63.5(253.3)
Г65

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК

СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ

ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ

УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

07/11/132-645

6158

63.5(253.3)
Г65

СЛѢДЫ ЯЗЫЧЕСТВА

у

ИНОРОДЦЕВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

Н. Л. Гондатти.

- 11073 - аб

Государственное учреждение
"Национальная
библиотека ЯНАО"

МОСКВА.
Типографія Е. Г. Потапова, Старая Басманная, д. Мараѣвой.
1888.

Изъ VIII книги Трудовъ Этнографическаго Отдѣла.

6156

Слѣды языческихъ вѣрованій у Маньзовъ.

Въ 1885 году мнѣ удалось побывать въ Сѣверо-Западной Сибири, куда я былъ командированъ съ цѣлію ознакомленія съ антропологическимъ типомъ населенія и для собиранія коллекцій. Путь мой лежалъ чрезъ Нижній, Казань, Пермь, Тюмень на Тобольскъ, Березовъ и Обдорскъ; затѣмъ мною были посѣщены лѣвые притоки Оби: Сѣверная Сосьва съ Сыгвой и правый—Казымъ; осмотрѣнъ былъ Уралъ сѣвернѣе истоковъ Печоры и тундра въ различныхъ мѣстахъ. Посѣщенная мною мѣстность не представляетъ изъ себя вполнѣ не извѣданнаго уголка, особенно главное теченіе Оби, которое посѣщалось уже не разъ разными путешественниками, хотя никто изъ нихъ и не задавался спеціально антропологическими цѣлями; оставивъ поэтому Обь, я знакомился, главнымъ образомъ, все время съ ея притоками съ правой и съ лѣвой стороны, какъ наименѣе изслѣдованными и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе сохранившими свои типичныя черты. Изъ этихъ притоковъ меня наиболѣе интересовала Сѣверная Сосьва съ Сыгвой, берущія начало съ Урала и текущія болѣе, чѣмъ на тысячу верстъ; рѣки эти интересны въ томъ отношеніи, что онѣ, какъ полагаютъ, были въ древности однимъ изъ мѣстопребываній югры. Такъ напримѣръ, по картѣ, приложенной къ Космографіи Себастіана Мюнстера, видно, что югра живетъ на правой сторонѣотъ Печоры; на картѣ Герберштейна, прямо противъ впаденія Сосьвы показана Югра; далѣе, лѣтописецъ Несторъ подъ 1096 годомъ пишетъ: „Се-же хощю сказати,

яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гуряти Роговичь Новгородець, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшю отроку моему къ нимъ, и оттуду иде въ Югру. *Югра же* людье есть языкъ нѣмъ, и *сѣдятъ съ Самоядью на полунощныхъ странахъ»...*; наконецъ, въ книгѣ Большаго Чертежа сказано, что «отъ устья (Оби) вверхъ—обдорскіе города. А выше обдорскихъ городовъ—югрскіе. А выше югрскихъ городовъ—сибирскіе»; и затѣмъ далѣе послѣ перечисленія югорскихъ городовъ, (среди названій которыхъ встрѣчаются и современныя урочища и селенія) сказано: «А тѣ грады по Сосвѣ и Сыгвѣ—Югра».

Населеніе Сѣверо-Западной Сибири въ настоящее время довольно смѣшанное: не говоря про русскихъ и зырянъ, здѣсь сталкиваются три народности: самоѣды, остяки и маньзы, народности, которыя прежде играли гораздо большую роль, чѣмъ это имъ суждено теперь; изъ нихъ остяки населяютъ, главнымъ образомъ, среднее и нижнее теченіе рѣки Оби съ ея притоками и низовья Иртыша; самоѣды живутъ по низовымъ тундрамъ, бродятъ со своими стадами по берегамъ Ледовитаго моря и его островамъ, а маньзы, извѣстные у прежнихъ писателей подъ именемъ угровъ или югровъ и называемые мѣстными русскими то остяками, то вогулами, составляютъ населеніе рѣкъ Сѣверной Сосьвы и Сыгвы съ ихъ притоками; по типу, языку, обычаямъ и религіи это ничто иное, какъ тѣ вогулы, остатки которыхъ теперь встрѣчаются ввидѣ нѣсколькихъ семей въ Верхотурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. По мѣрѣ приближенія къ востоку, т. е. къ Оби и къ сѣверу, т. е. къ Ледовитому морю, маньзы все болѣе и болѣе теряютъ свою чистоту, такъ какъ на востокѣ замѣчается ихъ смѣшеніе съ остяками, а на сѣверѣ — съ самоѣдами. Слѣды подобнаго смѣшенія видны вообще между всѣми тремя народностями и оно вполнѣ понятно въ виду тѣхъ частыхъ браковъ, которые заключаются между ихъ представителями. Съ одной стороны это обстоятельство, съ другой—одинаковыя

условія жизни производятъ то, что въ правахъ, въ обычаяхъ, въ занятіяхъ, въ одеждѣ, въ принадлежностяхъ домашняго быта, въ типѣ—во всемъ замѣчается между ними много общаго.

Переходя теперь къ описанію слѣдовъ языческихъ вѣрованій у маньзовъ, я долженъ прежде всего оговориться: встрѣтить маньза, который могъ-бы все разсказать про своихъ боговъ, теперь немыслимо: нѣкоторые, особенно молодые, ничего не знаютъ; или разсказываютъ и выдаютъ за свое слышанное когда-либо отъ русскихъ, такъ что все, что слѣдуетъ дальше, мнѣ приходилось слышать не отъ одного лица, а отъ нѣсколькихъ десятковъ разскащиковъ, и затѣмъ слышанное привести уже болѣе или менѣе въ порядокъ.

Въ настоящее время инородцы Сѣверо-Западной Сибири, за небольшимъ количествомъ низовыхъ остяковъ и самоѣдовъ, всѣ крещены и всѣ считаются христіанами, но въ большинствѣ случаевъ только по имени, потому что по прежнему, почти всѣ безъ исключенія, такъ-же вѣрятъ въ своихъ боговъ, такъ-же приносятъ имъ жертвы, такъ-же почитаютъ своихъ шамановъ, какъ это они дѣлали до принятія христіанства; вся разница только въ томъ, что теперь они стараются всѣ обряды совершать потихоньку, скрываясь, главнымъ образомъ, отъ духовнаго и свѣтскаго начальства и опасаясь, какъ-бы оно не взыскало и не наложило-бы за это какой-нибудь пени, чего они боятся больше всего. И здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, женщины, несмотря на свое нѣсколько приниженное состояніе, являются гораздо консервативнѣе и фанатичнѣе мущинъ, на которыхъ даже оказываютъ извѣстное вліяніе въ религіозномъ отношеніи: гораздо скорѣе можно узнать какія-нибудь тайны вѣрованій отъ мущинъ, чѣмъ отъ женщинъ, и это, конечно, зависитъ не отъ ихъ большей словоохотливости, которая составляетъ и здѣсь, какъ и вездѣ впрочемъ, скорѣе принадлежность *слабой половины* человѣчества. Изъ добытыхъ свѣдѣній видно, что религіозные взгляды и вѣрованія инородцевъ не представляютъ сбора всевоз-

можныхъ разсказовъ безъ видимой связи; напротивъ, послѣдняя чувствуется вездѣ и если она не для всѣхъ еще достаточно очевидна, то это зависитъ отъ малой разработки вопроса, поспѣшить чѣмъ вообще слѣдуетъ, потому что Сибирскіе инородцы или вымираютъ, или русѣютъ, причемъ забываютъ свой языкъ, свои преданія и обычаи, и, конечно, недалеко уже то роковое время, когда изученіе ихъ будетъ возможно только по описаніямъ, оставленнымъ путешественниками, да по музейскимъ коллекціямъ, которыя, кстати сказать, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ за границей гораздо лучше, чѣмъ у насъ — въ Россіи.

При существующемъ многобожіи, при раздѣленіи боговъ на добрыхъ и злыхъ, причемъ представителемъ первыхъ является *яныхъ-торумъ* *)—великій богъ, а представителемъ вторыхъ—*куль*—діаволъ, у инородцевъ незамѣтно, по крайней мѣрѣ теперь, того страха и трепета, который является основнымъ началомъ въ религіяхъ нѣкоторыхъ народностей; у нихъ скорѣе видна какая-то предупредительность по отношенію къ богамъ, смягченіе ихъ гнѣва и часто просто даже подкупъ въ ожиданіи будущихъ благъ различными дарами, приносимыми при всѣхъ мало-мальски выдающихся случаяхъ въ жизни: родится, женится, умираетъ человѣкъ—приносится жертва съ просьбой: то сдѣлать жизнь счастливой новорожденному, то дать побольше дѣтей новобрачнымъ, то приготовить мѣсто получше въ будущей жизни; идетъ инородецъ на охоту, на рыбную ловлю, онъ дѣлаетъ съ богами договоръ: «если убью три соболя, то одного тебѣ; если шесть, то двухъ; если тоя будетъ удачная, то самую большую рыбу получишь ты, иначе ничего не дамъ» и т. д., все въ томъ-же родѣ.

---

*) Приводимыя здѣсь названія взяты изъ языка Маньковъ, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ употреблены надстрочные знаки, значеніе которыхъ таково: тире указываетъ, что напечатан гласная буква произносится какъ долгая; знакъ, поставленный надъ буквой *г* показываетъ, что это *г* произносится чуть слышно; также знакъ, поставленный надъ *н*, служитъ указаніемъ на носовое произношеніе этого звука, напоминающее отчасти произношеніе, напримѣръ, французскаго слова—*oncle*.

Пранна, *ямэ̀ѣ—торумъ* и одинъ изъ его сыновей *мірь сусне эумъ*, завѣдывающій людьми, всесильны и могутъ все сдѣлать съ ними, но они добры и справедливы, а *куля* всегда можно подкупить; этимъ отчасти объясняется и то обстоятельство, что изображенія, обыкновенно дѣлаемыя изъ металла или изъ дерева, и составляющія необходимую принадлежность каждой семьи и хранимыя въ особомъ сундукѣ, иногда выкидываются или замѣняются новыми, если они плохо работали и мало помогали своему хозяину. Подобныя изображенія дѣлаются или самими инородцами, причемъ часто ими одѣваются въ разныя одежды, но преимущественно завертываются въ головные платки, или пріобрѣтаются у русскихъ и мѣняются, причемъ характеръ ихъ вообще довольно разнообразенъ: то они представляютъ изъ себя ничто иное, какъ простыя дѣтскія игрушки, то нарочно по заказу сдѣланныя или купленныя на Ирбитской ярмаркѣ изображенія животныхъ, въ которыхъ боги, въ случаѣ необходимости, могутъ превращаться; такъ напримѣръ, въ Сома-пауль почитаютъ изображеніе гагары (Colymbus Septentrionalis) въ Аньевскихъ юртахъ — чайки (Lavus ichtyactus), въ Тобольдинскихъ—лягушки, и т. д.; особенно почитается изображеніе коня, такъ какъ на-немъ *мірь сусне эумъ* каждую ночь объѣзжаетъ всю землю и смотритъ, все-ли въ порядкѣ.

Кромѣ боговъ главныхъ: *корсъ-торумъ* — родоначальника всѣхъ боговъ и *ямэ̀ѣ—торумъ* или *нумэ-торумъ* (иначе еще *ойкинъ-торумъ*) съ его сыновьями, причемъ каждый изъ нихъ имѣетъ особенное назначеніе, существуетъ еще цѣлая плеяда второстепенныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые являются богами личными, другіе семейными и родовыми: поэтому около всякаго отдѣльнаго жилья и особенно около цѣлыхъ селеній всегда бываютъ особыя мѣста, посвященныя чествованію того или другого бога, гдѣ приносятся жертвы и гдѣ хранятся его богатства. Въ подобныхъ мѣстахъ очень нерѣдко можно увидѣть нѣсколько высокихъ шестовъ, вбитыхъ въ землю и увѣнчанныхъ на верху лоскутами, пихурами, блестящими бездѣлуш-

ками и тому подобными предметами. Шесть эти, изъ которыхъ средній самый высокій, посвящены какимъ-нибудь богамъ, причемъ средній всегда соотвѣтствуетъ *лывэ-торумъ*, сосѣдній справа *сянь-торумъ* и слѣва—*міръ сусне хумъ*: другіе шесты, ежегодно мѣняемые, посвящены другимъ богамъ; по бокамъ тянутся скамейки, между которыми въ землѣ есть помѣщеніе для варки пищи въ котлахъ; кругомъ валяются кости, остатки трапезы, маленькія лопаточки, которыми ѣдятъ, и т. д. Что-же касается до мѣста обитанія главныхъ боговъ, то оно у нихъ всегда находится въ опредѣленныхъ мѣстахъ, куда съѣзжаются за нѣсколько сотъ верстъ инородцы, чтобы поклониться и сдѣлать извѣстнаго рода приношенія; но этимъ обыкновенно дѣло еще не ограничивается, такъ какъ существуютъ особые сборщики добровольныхъ даяній, которые, съ открытія навигаціи, снаряжаютъ лодки и ѣдутъ по Оби и ея притокамъ собирать шкурки и разные предметы въ пользу того бога, богатствами котораго они завѣдуютъ. Въ прежнее время, когда инородцы не были такъ испорчены, какъ теперь, тогда, дѣйствительно, все жертвуемое хранилось въ сараяхъ, принадлежавшихъ тому или другому богу, гдѣ шкурки и другія подобныя вещи истлѣвали, а серебро и мѣдь оставались цѣлыми въ теченіе столѣтій; теперь-же большая часть жертвуемаго попадаетъ въ руки русскихъ и зырянскихъ торговцевъ, которые никогда не прочь купить по дешевой цѣнѣ старое серебро и новыя шкурки; обманъ жертвователей тѣмъ болѣе легокъ, что мѣстонахожденіе хранилищъ жертвуемыхъ вещей скрывается отъ всѣхъ и только одни сборщики да очень небольшое число постороннихъ лицъ знаютъ, гдѣ оно находится; въ послѣднее время вслѣдствіе указанной причины, вслѣдствіе общаго обѣдненія инородцевъ и вслѣдствіе тайнаго ограбленій зырянами и русскими, запасы подобныхъ хранилищъ стали очень малы, но было время, и даже не далѣе какъ въ пятидесятыхъ—шестидесятыхъ годахъ, когда въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находили по сотнямъ разныхъ шкуръ и по десяткамъ пудовъ стараго серебра; подобные запасы имѣли боль-

шое значеніе въ жизни инородцевъ въ случаѣ несчастныхъ происшествій какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у цѣлыхъ родовъ, такъ какъ изъ нихъ можно было брать взаимообразно какое-угодно количество вещей съ тѣмъ, понятно, чтобы потомъ, при улучшеніи условій, все возвращалось обратно съ извѣстнымъ увеличеніемъ. Они, такимъ образомъ, играли роль сеудныхъ учрежденій, освященныхъ только религіозными взглядами; говорить о пользѣ этого, конечно, излишнее, и вотъ почему многія бѣдствія—падежъ скота, плохая охота, отсутствіе рыбы и звѣря, болѣзни, и т. д., прежде не имѣли такого пагубнаго значенія, какъ это наблюдается нерѣдко теперь.

Не смотря на извѣстную простоту отношеній между богами и инородцами, выражающихся, главнымъ образомъ, въ жертвоприношеніяхъ, между тѣми и другими существуютъ посредники ввидѣ жрецовъ шамановъ, званіе которыхъ обыкновенно переходитъ по наслѣдству не только по мужской, но и по женской линіи. Прежде шамановъ было гораздо менѣе, чѣмъ теперь: такъ лѣтъ 80 тому назадъ на Сыгѣ и Сѣверной Сосьвѣ былъ только одинъ, который и разъѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, а теперь ихъ восемь. Эти шаманы представляютъ изъ себя, по мнѣнію инородцевъ, людей, болѣе угодныхъ богамъ, чѣмъ остальные, и просьбы которыхъ поэтому могутъ быть скорѣе удовлетворены. Обыкновенно шаманы еще съ малолѣтства выказываютъ нѣкоторыя отличительныя черты сравнительно съ другими дѣтьми, что преимущественно выражается въ большей воспріимчивости, въ большей впечатлительности и вообще въ большей нервности; иногда они страдаютъ припадками падучей болѣзни, приступы которой однако объясняются общеніемъ съ богами; прежде, да даже и теперь иногда, между шаманами встрѣчаются люди искренно убѣжденные и вѣрующіе во все то, что они продѣлываютъ во время припадковъ или въ другіе моменты своей жизни и смотрящіе на это, какъ на проявленіе божественной силы; но съ каждымъ годомъ число такихъ лицъ уменьшается и они замѣняются извѣстными шарлатанами, которые, пользуясь довѣрчивостью

инородцевъ, обманываютъ ихъ, обираютъ и живутъ вслѣдствіе этого гораздо лучше остальныхъ людей своейнародности, что, главнымъ образомъ, теперь выражается въ большемъ количествѣ выпиваемой водки. Между шаманами рѣдко встрѣчаются дряхлые старики, потому что имъ трудно было-бы исправлять свои обязанности, заключающіяся, главнымъ образомъ, въ приношеніи жертвъ, въ лѣченіи больныхъ, въ гаданіи и узнаваніи будущаго и воли боговъ; при всѣхъ жертвоприношеніяхъ, если только присутствуетъ шаманъ, а иногда они бываютъ безъ него, онъ играетъ первенству кощую роль: убиваетъ жертвенное животное, рѣжетъ его на части, собираетъ кровь, кормитъ изображеніи боговъ, т. е. мажетъ имъ губы кровью и ставитъ передъ ними на нѣкоторое время берестяныя или деревянныя чашки съ мясомъ, которое затѣмъ съѣдаетъ самъ же съ помощью присутствующихъ, и вообще онъ начинаетъ и оканчиваетъ торжество; здѣсь же происходитъ часто и гаданье о разныхъ вопросахъ, имѣющихъ значеніе въ жизни инородца—о количествѣ звѣря, птицы и рыбы, объ охотѣ, о лѣсныхъ пожарахъ, и т. д. На Оби у шамановъ бываютъ почти всегда помощники или ученики, которые продѣлываютъ обыкновенно все то, что дѣлаетъ самъ шаманъ, но у маньзовъ этого нѣтъ. Жертвоприношенія бываютъ случайныя и постоянныя: первыя находятся въ зависимости отъ какихъ-нибудь случайныхъ причинъ и отъ большаго или меньшаго усердія инородцевъ, между тѣмъ какъ вторыя являются обязательными и совершаются обыкновенно: весною—передъ началомъ рыбной ловли; ранней осенью—послѣ ея окончанія; поздней, осенью передъ отправкой на зимнюю охоту и затѣмъ по возвращеніи съ нея, и въ другихъ, тому подобныхъ, случаяхъ.

При жертвоприношеніяхъ обыкновенно присутствуютъ только одни мущины, а женщины нарочно удаляются подальше отъ священнаго мѣста, гдѣ совершается обрядъ; развѣ только жертва приносится дома, когда и женщинамъ разрѣшается оставаться. Жертвы состоятъ изъ оленей, а если есть какая-нибудь возможность достать лошадь, часто даже за большія деньги, то

изъ нея; послѣдняя жертва считается наиболѣе пріятной богу, да и самому инородцу, такъ какъ при всѣхъ жертвоприношеніяхъ богамъ собственно достается только запахъ да паръ отъ дымящейся крови и сочнаго мяса, а все остальное съѣдается самими жертвователями, для которыхъ лошадиное мясо представляетъ лакомый кусочекъ, тѣмъ болѣе пріятный и дорогой, что онъ бываетъ очень рѣдокъ: лошадей приходится приводить или изъ-за Урала, или съ средняго теченія Оби, что, понятно, соединено съ большими хлопотами и затрудненіями.

Жертвенное животное, преимущественно бѣлаго цвѣта, (темнаго не любятъ боги) или душится, или рѣжется, или убивается просто ударомъ дубины по головѣ, причемъ нерѣдко бываетъ, особенно съ лошадьми, что ихъ еще живыхъ колютъ слегка ножами, собираютъ вытекающую кровь, пьютъ ее и это продолжаютъ дѣлать до тѣхъ поръ, пока животное не умираетъ въ страшныхъ мученіяхъ.

Если жертву—большею частью оленя—приносятъ въ жилье, то по стѣнамъ развѣшиваютъ шкуры, лучшія одежды, а оленя мордой ставятъ къ нарочно вынутому изъ его постояннаго хранилища шайтану, (гдѣ-нибудь въ сараѣ, если онъ большой, котораго вносятъ и выносятъ, какъ и покойника, не чрезъ дверь, а чрезъ окно или чрезъ нарочно сдѣланное отверстіе; если-же жертва приносится на воздухѣ, то на нее накидывается одежда, и въ томъ случаѣ, когда она общественная, а не частная, на шею животному набрасываютъ петлю, которую всѣ тянутъ къ себѣ, чтобы показать, что и они принимаютъ участіе въ жертвоприношеніи; затѣмъ въ томъ случаѣ, если жертва приносится инымъ-торумъ, то, по окончаніи всѣхъ приготовленій, всѣ громко вскрикиваютъ до трехъ разъ (когда жертву приносятъ другому богу, то этого не дѣлаютъ) и при послѣднемъ разѣ животное бьютъ чѣмъ нибудь тяжелымъ, напримѣръ, обухомъ топора по головѣ—лошадь спереди, а оленя сзади; передъ этимъ крикомъ и затѣмъ во второй разъ передъ ѣдой мяса обыкновенно намазываютъ: просятъ о чемъ-нибудь или спрашиваютъ про что-нибудь.

При служеніи шаманы не надѣваютъ особаго костюма, а только имѣютъ на головѣ не большую шапочку вышй колпака, сшитую изъ кусочковъ разноцвѣтнаго сукна, да въ рукахъ бубенъ, по которому во время шаманъ ударяетъ особой палкой, обтянутой шкурой какого-нибудь звѣрька; этотъ бубенъ дѣлается преимущественно изъ лосиной кожи, иногда изъ оленьей и даже собачьей, натянутой въ сыромъ видѣ на обручъ, шириною въ два-три вершка и въ діаметрѣ до аршина и болѣе; сырая кожа при высыханіи плотно обхватываетъ обручъ, затѣмъ она еще слегка прилипается къ ободку къ которому прикрѣпляютъ еще кольца, цѣпочки, бубенцы и вообще разные предметы, издающіе звукъ: съ внутренней стороны ставятся накрестъ двѣ палки, при помощи которыхъ бубенъ и держится въ рукѣ; при сильныхъ и быстрыхъ движеніяхъ, производимыхъ шаманами во время призыванія боговъ, всѣ погремушки гремятъ, самъ бубенъ, при ударѣ въ него, издаетъ отчетливый рѣзкій звукъ, особенно если предварительно его подержать нѣсколько времени надъ огнемъ; и вотъ эти-то звуки пріятны богамъ и на нихъ то они идутъ сообщать свою волю кичающемуся часто подъ конецъ плясокъ въ судорогахъ шаману, который произноситъ въ это время несвязные звуки, съ благоговѣніемъ ловимые окружающими и дающіе имъ лишній поводъ изощрять свою изобрѣтательность на ихъ истолкованіе и на прославленіе своихъ боговъ. Всего чаще призывается *мірэ сусно Хумэ*, какъ такой богъ, который знаетъ всѣми людьми и который стоитъ къ нимъ ближе всѣхъ; для его призыванія чаще всего пользуются ночами, когда онъ совершаетъ свой объѣздъ вокругъ земли; для этого въ жильѣ, гдѣ происходитъ гаданье, тушатъ огонь; шаманъ ударяетъ нѣсколько разъ въ бубенъ и затѣмъ все смолкаетъ и наступаетъ гробовая тишина, среди которой будто-бы явственно слышится конскій топотъ, оканчивающійся трескомъ, указывающимъ на входъ бога въ жилье, послѣ котораго вскорѣ все прекращается, и шаманъ, распростертый часто на полу, начинаетъ сообщать то, что ему говорилъ богъ; очень часто

передъ жилищемъ на это время предварительно ставится нѣсколько серебряныхъ или вообще металлическихъ тарелочекъ для того, чтобы божій конь могъ стоять не на голой землѣ или снѣгу.

Иногда обрядъ шаманства происходитъ такъ: шаманъ садится на переднее мѣсто, задомъ къ народу, причемъ передъ собой никого не сажаетъ, беретъ топоръ и подвѣшиваетъ его острiемъ вверху за шнурокъ, протянутый отъ ручки до кашки, на согнутые четыре пальца правой руки и указательный— лѣвой; начинаетъ качать его и потихоньку напѣвать, затѣмъ уже и объявляетъ волю бога; иногда вмѣсто топора употребляютъ ножъ, а лучше всего старинную шпагу.

Шаманить еще и такъ: берется небольшая скамейка, подъ нее кладется топоръ или ножъ, на нее ставится шкатулка съ богами и ихъ принадлежностями и шаманъ приступаетъ къ напѣвамъ и производству разныхъ движеній около скамейки; черезъ нѣсколько времени онъ застаетъ того инородца, которому онъ шаманитъ, приводитъ шкатулку; если она подымается въ первый разъ легко, во второй трудно, въ третій—еще труднѣе, а въ четвертый легко, то успѣхъ будетъ полный; если нѣтъ, то плохо. Кромѣ этого постукаютъ еще и слѣдующимъ образомъ: въ темную ночь, въ жилье какого-нибудь богатаго инородца собирается народъ — и мущины, и женщины; шаманъ кладетъ металлическую доску на полъ, на нее стрѣлы съ желѣзными наконечниками и начинаетъ призывать бога, ударяя этими стрѣлами по доскѣ; черезъ нѣсколько времени жилье содрогается, потолокъ около чувала расползается и является *мiра-сусно-хума*, который указываетъ на свое появленiе ударами стрѣлъ по доскѣ; иногда при этомъ онъ мучитъ шамана, и настолько сильно, что онъ падаетъ замертво, при чемъ стрѣлами бываетъ, будто бы, истыкано все его тѣло; зажигаетъ при этомъ огонь полiи, иначе обмершiй, валяющiйся въ судорогахъ, шаманъ обязательно умретъ и при томъ немедленно; разъ у одного шамана стрѣла прошла, по его разсказамъ, отъ сердца до пятокъ и онъ остался цѣлъ и невредимъ,

даже еще здоровѣе сталъ. Разъ во время оспы у одного остяка погибли всѣ семьи и, наконецъ, онъ самъ захворалъ: призываетъ онъ шамана, тотъ начинаетъ бить въ бубенъ, шептать что-то про себя, наконецъ начинаетъ плясать; вертится и кружится всю ночь, потомъ объявляетъ, что остякъ умретъ, такъ какъ онъ не любитъ правды, и хотя на другой день больному стало лучше, такъ что онъ могъ даже разсказать, какъ у шамана, который въ одну изъ перемѣнъ гаданья былъ, изо рта вышли маленькіе люди съ острыми головами, т. е. *Москвы*, но, дѣйствительно, онъ все-таки умеръ. Насколько вѣрить въ той мѣстности разнымъ фокусамъ шамановъ можно видѣть, напримѣръ, изъ такого случая, переданнаго мнѣ нѣсколькими русскими, принимающими его за безусловную истину: разъ остякъ сталъ бороться съ русскимъ, его не поборолъ, а руку себѣ испортилъ; тогда въ тотъ-же день вечеромъ собрались шаманить и шаманили всю ночь; на другой день одинъ шаманъ приходитъ къ русскому торговцу и проситъ у него нѣсколько аршинъ разноцвѣтнаго сукна, какъ бы въ даръ богамъ, въ благодарность за то, что больной вполнѣ выздоровѣлъ, и хотя утромъ можно было видѣть, что больная рука насквозь проткнута во время шаманства узкимъ ножомъ, и что изъ раны шла обильная кровь, но вечеромъ не было и слѣда, не только крови, но и самой раны.

Званіе шамановъ довольно выгодно, немудрено поэтому, что есть не мало охотниковъ, которые не прочь сдѣлаться ими, но, какъ я уже говорилъ, знаніе это болѣе или менѣе наслѣдственно, а затѣмъ оно соединено съ нѣкоторыми обязанностями, которыя, главнымъ образомъ, заключаются въ умѣніи продѣлывать разные фокусы и въ терпѣніи натуры; между шаманами встрѣчаются такіе, которые славятся на нѣсколько сотъ верстъ въ окружности и которые приглашаются, въ случаѣ необходимости, богатыми инородцами.

Врачебная дѣятельность шамановъ сводится опять-таки къ призыванію боговъ, къ нашептыванію и даванію нѣкоторыхъ средствъ, про которыя установилось мнѣніе, что они

полезны. Въ настоящее время, когда существуетъ медицинская помощь, хотя и слабая, ввидѣ немногихъ докторовъ и фельдшеровъ, инородцы, вообще большіе любители лѣчиться, берутъ у нихъ всевозможныя лѣкарства, особенно касторовое масло, хину, желѣзный купоросъ (для присыпки ранъ), свинцовую примочку (при болѣзни глазъ), и т. д.; но помимо такихъ средствъ у нихъ существуютъ и свои. При всѣхъ болѣзняхъ прежде всего обращаются къ шаманамъ съ просьбою узнать у боговъ, отъ чего то или другое лицо заболѣло, такъ какъ, по мнѣнію инородцевъ, всякая болѣзнь посылается богами и есть признакъ ихъ недовольства тѣмъ человѣкомъ, который заболѣлъ; шаманы прежде всего заставляютъ принести какую-нибудь жертву, состоящую изъ оленей, одежды и шкурокъ, затѣмъ даютъ пить пашенганную воду, водку, кровь; мажутъ рыбьимъ жиромъ и оленьимъ или, еще чаще, медвѣжьимъ саломъ; окуриваютъ бобровой струей или березовой и лиственичной накипью, трутъ медвѣжьимъ клыкомъ, и т. д. Одни и тѣ-же средства употребляются, большею частью, при разныхъ болѣзняхъ; только когда болитъ желудокъ, тогда всегда даютъ внутрь съ водой или съ водкой порошокъ, наскобленный съ медвѣжьяго клыка, или настой изъ лиственичной накипи, употребляемый также и при страданіяхъ грыжи; при сифилисѣ пьютъ настой, сдѣланный изъ одной травы—*мось хумъ сафы*, растущей въ верховьяхъ горныхъ рѣчекъ; при болях спины и зубовъ натираютъ больныя мѣста медвѣжьимъ зубомъ и иногда посыпаютъ соскобленнымъ съ него порошкомъ; другихъ какихъ-нибудь еще опредѣленныхъ средствъ не имѣется: всякій лѣчитъ и лѣчится по собственному усмотрѣнію.

Шаманы являются, понятно, главными сторонниками и защитниками язычества, которое наряду съ пьянствомъ въ настоящее время является одною изъ главныхъ причинъ обѣднѣнія инородцевъ, такъ какъ всякое призваніе бога, всякое гаданіе соединено съ большими издержками сего жертвоприношеній закатами; тѣмъ болѣе, что шаманъ первымъ предъявляетъ боль-

ныя требованія: говорятъ, что богъ требуетъ, напримѣръ, пятокъ собольихъ шкурокъ, кусокъ краснаго сукна, пять фунтовъ мѣдныхъ украшеній и тому подобныхъ вещей, т. е. больше или менѣе цѣнныхъ, или что онъ желаетъ получить въ жертву оленя или лошадь и самъ-нибудь катится на головѣ, спинѣ или ногѣ, и покрутится до тѣхъ поръ не успокоится, пока не исполнятъ привезенное: пойдетъ въ работу, продастъ все, что у него есть, но добудетъ своего и тогда бога жаль, вѣрно убьетъ, прихоти самой будетъ исполнена; даже въ случаѣ смерти больнаго, то надъ которымъ шаманили, родственники умершаго считаютъ своимъ долгомъ исполнить все предъявленныя требованія; если-же больной выздоравливаетъ и не въ состояніи сейчасъ-же исполнить требуемой богами жертвы, то онъ дѣлаетъ изъ бересты изображенія оленя, лошади и т. д., кладетъ ихъ въ свою нишулку и держитъ ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока все не будетъ исполнено; тогда эти изображенія сжигаются. Что касается собственно до изображеній идоловъ, то, какъ уже было сказано, они дѣлаются изъ дерева, изъ металла и очень рѣдко изъ кости; идолы общественные, преимущественно, вырѣзаются изъ деревьевъ, продолжающихъ еще расти; идолы-же домовые и частные представляютъ изъ себя часто просто совершенно не обдѣланныя палочки, обернутыя шкурками или платками; въ послѣднее время инородцы стали пріобрѣтать у зырянъ и у русскихъ простыя дѣтскія игрушки и признавать ихъ за изображенія своихъ боговъ въ настоящемъ ихъ видѣ или въ томъ, какой они иногда принимаютъ, являясь людямъ и какой у нихъ былъ въ то время, когда они боролись между собой и съ разными богатырями и великанами. При такомъ превращеніи русскихъ игрушекъ въ изображенія инородческихъ боговъ не происходитъ какой-нибудь церемоніи, а просто вещь кладется въ ту нишулку, гдѣ обычно хранятся священные предметы — изображенія боговъ, одѣтыхъ каждый въ свою одежду, или въ свой платокъ, и этого вполнѣ достаточно для признанія ихъ священными и для поклоненія имъ. При расколахъ ста-

рыхъ могилъ приходилось иногда находить маленькія литыя изображенія фигуръ человѣческихъ, птичьихъ и какихъ-то звѣриныхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя извѣстны подъ названіемъ чудскихъ и которыя въ большомъ количествѣ находятся также въ Пріуральскомъ Краѣ, особенно въ его сѣверной части; по разсказамъ стариковъ, эти изображенія не удались на мѣстѣ, а откуда-то привезлись и почитались какъ идолы.

По вѣрованіямъ Мазьомъ, на небѣ живутъ три бога, изъ которыхъ два имѣютъ золотые дома, расположенные выше облаковъ; имъ *прислуживаютъ существа*, подобныя людямъ, но никогда не бываютъ на землѣ. Главный богъ, родоначальникъ прочихъ—*корсъ торумъ*, видъ котораго совершенно неизвѣстенъ, такъ какъ изъ людей его никто не видалъ и если про него знаютъ кое-что, то это благодаря только другимъ богамъ, имѣющимъ довольно частыя сношенія съ землей; самъ онъ на землю никогда не сходитъ и только въ случаѣ необходимости посылаетъ своего старшаго сына — *нуми торумъ*, *якыла торумъ* или *войкаръ торумъ* посмотрѣть, что дѣлаютъ люди и обо всемъ донести ему. *Нуми торумъ*, по наружности подобный человѣку, весь блеститъ, какъ золото, отъ роскошной одежды, но оружія при себѣ, какъ и его отецъ, никогда не имѣетъ; разъ въ мѣсяцъ, или не много рѣже, онъ спускается на бѣломъ конѣ на землю, *осматриваетъ* все, записываетъ, что дѣлаютъ люди и затѣмъ свои наблюденія передаетъ для разбора своему младшему сыну-*міръ сусне хумъ*; со *своими просьбами люди* чаще всего обращаются къ нему, особенно если это касается дождя, снѣга, холода и тепла; тогда онъ приказываетъ исполнить человѣческую просьбу своемумладшему брату—*сялыкъ торумъ*, живущему постоянно на черныхъ облакахъ и никогда ихъ не покидающему; даже во время богослуженія, если шаманъ его и видитъ, то все таки сидящимъ на тучахъ; *сялыкъ торумъ*, имѣя человѣческую наружность, разъѣзжаетъ по облакамъ на оленяхъ съ мамонтовыми рогами (?) и возитъ на нихъ воду; если олени залѣнятся, то онъ ихъ ударитъ кнутомъ и такъ сильно, что свѣтъ

Государственная
"Национальная
библиотека ХМАО"

появляется, молнія сверкаетъ, очи начинаютъ рѣять и при этомъ проливаютъ изъ боговъ воду; онъ женщинъ не имѣетъ. *У нуми торума* семь сыновей, но дочерей, какъ и у *корса торума*, пѣтъ.

Про сыновей *нуми* разсказываютъ слѣдующее: когда они выросли, отецъ спустилъ ихъ съ неба, но они начали обижать живущихъ въ то время богатырей и многихъ изъ нихъ перебили; видитъ *нуми*, что дѣло не хорошо, спустился самъ съ неба, собралъ дѣтей и говоритъ имъ: «пріѣзжайте завтра утромъ ко мнѣ и кто первый привяжетъ своего коня къ серебряному столбу, находящемуся у дома, тотъ будетъ старшимъ не только надъ людьми, но и надъ своими братьями». Самъ поднялся на небо, а на другой день раньше всѣхъ пріѣхалъ самый младшій — *міра суска нуми*. Отецъ исполнилъ свое обѣщаніе и велѣлъ другимъ сыновьямъ почитать его за старшаго, а людямъ за главнаго руководителя и судью; сыну же приказалъ заботиться о людяхъ и стараться, чтобы они жили какъ можно тише. По прошествіи года *нуми* хотѣлъ посмотрѣть, какъ управляетъ его сынъ землею, спустился съ неба и видитъ, что всего у людей въ изобиліи и бѣдныхъ совсѣмъ нѣтъ. Не понравилось это ему и говоритъ онъ сыну: «Зачѣмъ ты даешь всего такъ много людямъ — они ни въ чемъ не нуждаются, а это не хорошо: они сдѣлаются гордыми и не будутъ, въ случаѣ нужды, помогать другъ другу; пусть будетъ, напримѣръ, у одного малыя пять-шесть рыбъ, у другого — одна-двѣ; у одного русскаго — три-четыре чашки муки, у другого — одна-двѣ». Послѣ этого вернулся на небо, а *міра суска нуми*, вмѣсто того, чтобы дать пять-шесть рыбъ, далъ пять-шесть амбаровъ ея; вмѣсто трехъ-четырехъ чашекъ муки,—три-четыре громадныхъ мѣшка; и зажили тогда люди еще лучше прежняго стали всѣ благодарить за это виновника своего благополучія. Во время смутнаго періода—борьбы другъ съ другомъ и богатырями—*міра суска нуми* принимали въ минуты опасности видъ гуся и улеталъ; этимъ и объясняются такъ часто встрѣчающіяся среди священныхъ пред-

мѣстомъ изображенія гусей, сдѣланныя изъ золота, серебра или другого металла; обыкновенно-же у него видъ человѣка, имѣющаго на головѣ шапочку изъ разноцвѣтнаго сукна съ собольей, лисьей или другой какой-нибудь мѣховой оторочкой; онъ женатъ, имѣетъ дѣтей и его главнымъ мѣстопребываніемъ считается священное урочище около Троицкихъ юртъ на Оби, куда обязательно каждый инородецъ въ три года разъ съѣздитъ, а если не можетъ, то присылаетъ дары. Когда во время своихъ объѣздовъ *міръ сусне хумъ* желаетъ спуститься на землю, то его прислужники предварительно ставятъ для ногъ коня четыре металлическихъ тарелочки съ изображеніемъ нерѣдко солнца. Для оправданія себя въ неумѣренномъ пьянствѣ и нюханіи табаку, инородцы теперь стали говорить, что *міръ сусне хумъ* всегда имѣетъ въ правой рукѣ бутылку водки, а въ лѣвой табакерку; поэтому когда начинаютъ пить, то, откупоривши бутылку, обязательно наливаютъ стаканъ и ставятъ его временно на священную шкатулку; эту водку впослѣдствіи выпиваетъ хозяинъ жилья; иногда часть водки выплескиваютъ и въ огонь, какъ даръ покровителямъ огня — *чинигъ-одыръ*; покровителями огня вообще считаются *нуми*, его семь сыновей и *сяхыль торумъ*.

Самый старшій сынъ *нуми*—это *полумъ торума*, живущій имѣетъ съ женой и дѣтьми на рѣкѣ Полумѣ въ отлично выстроенномъ деревянномъ домѣ. Онъ завѣдуетъ рыбой, птицей и звѣремъ, какіе только существуютъ какъ на этой рѣкѣ, такъ и на сосѣднихъ. Видѣть его, какъ и другихъ боговъ, могутъ только одни шаманы; наружность у него человѣческая, но прежде, вовремя борьбы, онъ принималъ видъ семивершинной береазы, которая, въ воспоминаніе прошлаго, стоитъ и до сихъ поръ на Полумѣ; къ ней на поклоненіе стекается ежегодно не мало маньзовъ.

Второй сынъ нуми — *онъ только торума* или *пасъ яхъ торума*—живетъ имѣетъ съ семьей въ морѣ, изъ котораго вытекаетъ Обь; у него тамъ построенъ хорошій деревянный домъ; завѣдуетъ онъ всей обской рыбой, птицей и звѣремъ; во время

богослуженія шаманамъ представляется въ человѣческомъ видѣ, верхомъ на бѣлой лошади, безъ всякаго оружія, какъ впрочемъ и всѣ остальные боги; въ смутное-же время принимаетъ наружность одной изъ часть—*хари нёрмых*.

Третій сынъ—*нёрэ ойка* или *нёрэ торумъ* живетъ на Елбынъ-нёрѣ вблизи Елбынъ-гура, т. е. священнаго озера, находящагося недалеко отъ истоковъ сѣверной Сосьвы при Малой Сосьвѣ; у него тамъ находится каменный домъ, въ которомъ онъ и проводитъ время вмѣстѣ съ женой—*нёрэ чи* и дѣтьми—*нёрэ пяурамъ*: онъ считается хозяиномъ и покровителемъ оленьихъ стадъ и отъ него зависитъ, сколько кому ихъ дать; для лучшаго присмотра въ его распоряженіи находится множество прислужниковъ и пастуховъ, которыми до погона (о немъ будетъ рѣчь дальше) были, какъ и у другихъ боговъ, богатыри, а теперь люди наименѣе грѣшные—угодные богу, сдѣлавшіеся совершенно чистыми послѣ смерти. *Нёрэ ойка* довольно часто подвергался нападеніямъ богатырей, такъ какъ онъ очень богатъ, но онъ отражалъ всѣ нападенія и многихъ убивалъ, такъ что *нуми*, узнавъ объ этомъ, запретилъ ему проливать кровь; тогда онъ сталъ всѣхъ превращать въ камень и до настоящаго времени на Уралѣ существуетъ еще семь каменныхъ изображеній богатырей, превращенныхъ въ камень за ихъ дерзкое намѣреніе ограбить его стада. Изображеніе этого бога разъ въ три года возятъ къ *полуму торумъ*, чтобы дать имъ возможность, какъ братьямъ повидаться.

Четвертый — *нутья одыръ* живетъ на обской губѣ при взморьѣ, имѣетъ видъ щуки и завѣдуетъ морской рыбой. Каждый годъ раписю весною онъ идетъ, принимая человѣческій видъ, на небо къ отцу и получаетъ отъ него приказаніе, сколько кому дать рыбы впродолженіе наступающаго года. Записавши сказанное, онъ возвращается назадъ, идетъ въ море, къ морскому царю — *вить хонъ* и говоритъ ему, сколько онъ долженъ отпустить рыбы изъ своихъ владѣній; затѣмъ поздней осенью онъ отправляется самъ или посы-

лаетъ своихъ слугъ къ брату—*асъ толахъ торумъ*,—живущему въ морѣ при низовьяхъ Оби, какъ о томъ уже было сказано, и спрашиваетъ, вся-ли назначенная рыба поймана и, если не вся,—то отчего; отъ того-ли, что вырвалась изъ сѣти, изъ камги; подрыла-ли запоры или отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ; тогда вся эта рыба, какъ предназначенная уже къ поимкѣ, выбрасывается на берегъ.

Пятый сынъ—*аясъ торумъ* прежде имѣлъ свое мѣстопребываніе тамъ, гдѣ теперь въ Березовѣ находится Богородицкая церковь, но затѣмъ былъ перенесенъ на другую сторону рѣки. Въ смутное время, какъ и *аутья одыръ*, онъ не воевалъ, хотя и обладаетъ способностью мѣнять свой видъ—человѣческій на лебединый. Женатъ онъ на дочери великана, жившаго около моря при устьѣ Оби, причемъ эту свадьбу устроилъ его младшій братъ, называвшійся прежде *пурпане хурипъ хумитенъ*, а послѣ *тахыпъ хотыл торумъ*, и принимающій, въ случаѣ необходимости, видъ ястреба. Дѣло было такъ: захотѣлось *аясъ торумъ* жениться, а жены достать себѣ не можетъ, тогда братъ и рѣшилъ ему помочь; превратился въ ястре ба, захватилъ съ собою лебедя и полетѣлъ въ тотъ городокъ, гдѣ жила намѣченная невѣста; нашли домъ, познакомились съ отцомъ, понравились ему, стали пировать, а во время пира невѣста и убѣжала; они погнались за ней, а она спряталась въ городкѣ при устьѣ Казыми; они туда, разрушили городокъ, но она успѣла перебѣжать въ другой—Полноватскій; разрушили и этотъ, но ее все-таки не нашли, такъ какъ она скрылась опять на Казыми, только въ ея верховья, гдѣ и спряталась въ крѣпкомъ домѣ одного богатыря, имѣющаго семь сыновей; стала она ихъ уговаривать украсть у *тахыпъ хотыл торумъ* его кольчугу, въ которой будто-бы у него и заключается вся сила; услыхалъ онъ это, разсердился, сбросилъ съ себя кольчугу и все оружіе и въ одной рубашкѣ пошелъ къ дому, разломалъ его, схватилъ всѣхъ богатырей за волосы, сталъ ихъ бить, наконецъ, ударяя голова объ голову, всѣхъ перебилъ; остался

только одинъ отецъ, который, превратившись въ тетерева, полетѣлъ къ *нули* просить защиты, но *тальма конъ тору* догналъ его у порога отцовскаго дома и крикнулъ отцу: «Отецъ, не отпирай, а то я переломаю порогъ твоего золотого дома». Не отворили тетереву дверей, полетѣлъ онъ князю, но ястребъ его догналъ и растерзалъ; такъ и до сихъ поръ ястребъ терзаетъ тетеревей; послѣ этого невѣста была поймана и ее повезли съ собой домой, гдѣ и стали жить, только вскорѣ по пріѣздѣ, *тальма конъ тору* и говоритъ *ай тору*: «Хотя я тебѣ и досталъ жену, но ты съ нею не справишься; дай—я ее поучу». Сдѣлалъ два толстыхъ и длинныхъ прута, одинъ желѣзный, другой свинцовый, привязалъ ее къ двумъ столбамъ за голову и ноги и сталъ бить; билъ до тѣхъ поръ, пока всѣ прутья не изломались; тогда полѣзли изъ нея всякія змѣи, лягушки, пауки, муравьи и много другихъ нечистыхъ существъ; послѣ этого онъ ее отвязалъ и передалъ брату, говоря: «Ну, теперь владѣй ею—она будетъ покойной женой, а то, если-бы я этого съ нею не сдѣлалъ, тебѣ съ ней не совладать-бы».

И дѣйствительно, послѣ этого она стала отличной женой и перестала обращаться въ сороку, что дѣлала прежде, особенно когда спасалась отъ преслѣдованій жениха. Кстати сказать, когда она перебѣгала изъ одного городка въ другой, то съ цѣлью привлечь на свою сторону мущинъ, переходила каждую ночь изъ дома въ домъ и предоставляла себя въ полное распоряженіе хозяина жилья.

Въ виду того, что *олесъ тору* даже жены себѣ не сумѣлъ достать, ему ничего и не дано въ управленіе, и онъ живетъ, ничего не дѣлая, въ деревянномъ домѣ, расположенномъ въ лѣсистой мѣстности.

Что касается до седьмого сына *нули тору* *тальма конъ тору*, то про него разсказываютъ слѣдующее: на лѣвомъ берегу Сѣверной Сосьвы, въ верстахъ двадцати двухъ ниже Сартыньи, была группа лиственичныхъ деревьевъ и здѣсь жилъ одинъ богатырь, по имени *тальма конъ*

ойка, со своей женой; онъ былъ очень силенъ, но мирнаго характера и поэтому въ то время, когда другіе богатыри дрались, онъ сидѣлъ дома и все работалъ въ своей кузницѣ топоры, ножи и другія металлическія вещи; за это его богъ и наградилъ: однажды пошелъ онъ ловить рыбу, поймалъ только одного налима, принесъ домой, разрѣзалъ его, смотритъ въ кишкахъ сидитъ живая лягушка; взялъ онъ ее, сталъ разсматривать, вдругъ она заплакала, какъ малый ребенокъ; догадался онъ тутъ, что дѣло не простое; устроилъ поскорѣе люльку, положилъ туда лягушку и сталъ вмѣстѣ съ женой качать, и превратилась лягушка въ ребенка, который началъ такъ быстро расти, что въ три дня превратился въ большаго человѣка—въ сильнаго богатыря; былъ это никто иной, какъ сынъ *нуми*, называвшійся прежде *нуриппа хурипа хумитэ*, а послѣ полученій по своему воспитателю названіе *Тагыта хотэ тэрумъ*. Не понравилось ему то мѣсто, гдѣ жилъ старикъ, перешелъ онъ его вмѣстѣ со старухой на другую сторону и построилъ деревянный городокъ, который сталъ называться *ус кэлэ* (мѣсто это и теперь сохраняетъ свое старинное названіе). Узнали другіе богатыри, что появился у нихъ новый соперникъ, собрались и рѣшили идти противъ него; всего было ихъ шестьдесятъ человѣкъ и шли они подъ предводительствомъ *нуя хотака пэрэ ку румэтэ*; онъ всѣхъ ихъ перебилъ, отрубилъ имъ головы, снялъ, по обычаю богатырей, скальпы и положилъ ихъ тѣла поперекъ рѣки, оставивъ лишь небольшой проходъ для лодокъ, шириною 8—10 саженей, немного ниже впаденія Елбынъ-я; по прошествіи нѣкотораго времени противъ него собрался войной *мэнкэдьяоль*, приведшій съ моря, перебившій и съѣвшій уже немало богатырей; онъ хвасталъ, что убьетъ и *тагыта хотэ тэрумъ* и сядетъ на его мѣсто. Испугался тотъ, пошелъ къ отцу — *нуми* и проситъ его помочь ему, а тотъ его спрашиваетъ: «Что-же ты такъ испугался?» «Да какъ не испугаться, когда онъ блеститъ, какъ золото, (а у него одежда была золотая) и когда онъ такъ многихъ перебилъ.» Ничего

не сказать ему отецъ и велѣлъ идти назадъ. *Минка* подходитъ все ближе и ближе, и *тагытъ хоиль торума* все болѣе груститъ и опять начала просить помощи у отца, наконецъ тотъ ему и говоритъ: «Если ты такъ боишься, то знай, что у *минки* въ груди подъ шеей есть кусочекъ человѣческаго мяса, туда и стрѣляй». Обрадовался онъ такому совѣту, взялъ лукъ, который у него былъ такой тяжелый, что его съ трудомъ могли нести восемь человѣкъ, натянулъ его и сталъ ждать приближенія *минки*. Когда тотъ, идя посрединѣ рѣки и смотря прямо впередъ, подошелъ довольно близко, *тагытъ хоиль торума* и закричалъ ему: «Ойка, посмотри, кто идетъ за тобой». «*Минка* повернулъ голову и сталъ смотрѣть назадъ; этимъ воспользовался *тагытъ хоиль торума*, спустилъ тетиву и стрѣла съ страшною силою вонзилась въ *минку*, который тутъ-же и упалъ, разсыпавшись на части. Умирая, онъ кричалъ: «охуръ, охуръ», и отъ крику его развернулась земля, потекла вода, положившая начало рѣкѣ, которая до сихъ поръ зовется *охуръ-я*; одну его ногу унесло вплавь и она образовала у Собаклонтъ плесо—*песъ лувель*; его опоясокъ превратился Сосьву и образовалъ въ рѣки, одна противъ другой, съ общимъ названіемъ — *хоиль ауль-я*; изъ дорожнаго мѣшечка—*ула сакпась* сдѣлался повыше *хоиль ауль-я* островъ *ула хурмъ тумпа*; изъ ноженъ тоже островъ еще выше—*сыналь тумпа*; изъ веревки, которою ножны прикрѣплялись къ поясу, островъ подъ названіемъ *сыналь порэ хурмъ тумпа*, изъ сердца — *сим тумпа*, изъ туловища — *порэ тумпа*, изъ головы — *пуа тумпа*; противъ *ула хурмъ тумпа* съ правой стороны течетъ рѣка —*люль нимпъ-я*, которая въ устьѣ широка и носитъ названіе *кау-хурмъ*, затѣмъ выше она совершенно прямая — *кокъ*, и наконецъ, образуетъ опять расширеніе *найзимъ*, за которымъ начинаетъ течь извилисто; недалеко отъ Собаклонтъ справа есть озеро — *люль нимпъ тура*, которое представляетъ изъ себя чрево *минки*.

Вслѣдствіе всего сказаннаго понятно, почему это мѣсто до сихъ поръ почитается настолько, что женщины не могутъ

далѣе туда ѣздить. Во время ѣзды сюда на поклоненіе, спать, хотя бы и въ продолженіе трехъ дней, не дозволяется; по пріѣздѣ на мѣсто привезенныя вещи отдаются шайтанщику,— хранителю вещей шайтана, сдѣланнаго въ честь *тогымъ коль торума*, причемъ онъ одинъ уже и относитъ ихъ въ амбары, окруженные насторожевшими луками и капканами, такъ что непривычному человѣку пройти тамъ, не рискуя ежеминутно разстаться съ жизнью, невозможно; въ одномъ изъ амбаровъ хранится и самъ шайтанъ, имѣющій видъ грубообтесаннаго человѣка, богато разукрашеннаго разными блестящими и гремящими предметами; подальше немного отъ амбаровъ есть дерево, кругомъ обставленное желѣзными стрѣлами, и всякій инородецъ необходимо долженъ принести въ жертву хотя одну стрѣлу и нѣсколько денегъ. Проѣзжая мимо этого мѣста, особенно противъ Елбынъ-я, въ воду всегда бросаютъ деньги; здѣсь можно только грести веслами, но не отпихиваться шестами или тянуться бичевой; если-же вслѣдствіе бури лодка сядетъ на каменной косѣ — *лотысь ӧръ*, представляющей изъ себя вообще могильную память, поставленную *тайтыя коль торумъ* надъ *мойкомъ* для того, чтобы память объ «томъ сохранилась на вѣчныя времена, то въ воду бросаютъ для умилостивленія котелъ, а также что есть изъ съѣстныхъ припасовъ.

Успѣхъ надъ мойкомъ сдѣлалъ то, что *тайтыя коль торума*, носящій также названіе *малаи торума* и *малаимыль олне торума*, сталъ сильно бить богатырей и настолько полюбилъ войну, что сталъ являться всюду, гдѣ только была драка, и, наконецъ, его стали приглашать въ видѣ союзника почти во всѣхъ войнахъ; это разсердило отца и онъ велѣлъ ему быть ниже всѣхъ братьевъ и ничѣмъ не завѣдывать кромѣ мѣстъ, расположенныхъ вблизи его деревяннаго жилья, въ которомъ онъ живетъ съ женой и дѣтьми.

Про самаго младшаго сына—*мӧрт сусне гума*, мастера или *лаи пырысь*, мы уже говорили.

Про сыновей *нуми* мнѣ приходилось слышать не разъ такой разсказъ: когда нуми снустилъ ихъ на землю, то, про протекшій нѣкотораго времени, младшіе братья стали замѣчать, что старшій изъ нихъ *полумъ торумъ* началъ что-то задумываться; имъ это показалось подозрительнымъ и они приступили къ нему съ разспросами, отчего это и не думаетъ-ли онъ ихъ перебить. Онъ отвергъ такого рода предположеніе, указавъ на то, что они ему кровные братья, но сознался, что ему хочется воевать; такъ какъ безъ позволенія отца онъ этого сдѣлать не могъ, то обратился къ нему съ просьбой, но получилъ отказъ: такъ повторилось еще два раза, хотя къ послѣдній разъ, онъ выставилъ причиною, что необходимо достать невѣсту для *ось толась торумъ*; тогда онъ рѣшилъ съ *ось толась торумъ* идти потихоньку на одинъ татарскій городокъ, расположенный на Иртышѣ немного ниже Демьянска, гдѣ у богатыря была дочь; этотъ городокъ былъ такъ расположенъ и такъ укрѣпленъ стѣною, что бѣлки не могла взойти; тѣмъ не менѣе они встали при помощи желѣзныхъ когтей влѣзли, убили богатыря, но дочь его въ это время такъ хватила за волосы *ось толась торумъ*, что почти всѣ ихъ вырвала; разсердился на это *полумъ торумъ*, взялъ ее за плечи и бросилъ въ Иртышъ, говоря: «Будь ты проклята, превращайся въ сорогу-сырка (Saino Yinbi) и питайся съ этихъ поръ лишь жидкими и твердыми человѣческими испражненіями». Послѣ этого вернулись домой и оставшіеся братья и спрашиваютъ, гдѣ невѣста. «*Куда* отдали учить, чтобы умнѣе и хитрѣе была», отвѣчалъ *полумъ-торумъ*, но послѣ прибавилъ: «Нѣтъ, это я шучу—она ѣдетъ на лодкѣ вмѣстѣ со своимъ приданымъ позади насъ». Братья, конечно, ея не дождались и всѣ объѣлись тѣмъ, что она утонула, что было, конечно, очень выгодно для *полума* и *ось толась*, иначе пришлось бы имъ не мало ссориться съ братьями, которые желали имѣть невѣстку.

Жена *нуми* и мать всѣхъ его семи сыновей называется *сянь торумъ* или *калтысь торумъ*. Послѣ того какъ она по-

дарила своему мужу шесть сыновей, онъ сталъ замѣчать, что она начала вести жизнь нехорошую и близко сошлась съ однимъ изъ небесныхъ прислужниковъ; разсердившись на это, онъ бросилъ ее на землю и она при паденіи родила *міръ сусне хумъ*. Упала она вблизи Калтысьинскихъ юртъ, гдѣ и поселилась, воспитывая своего сына, который затѣмъ перешелъ въ Троицкія юрты. Въ наказаніе за дурное поведеніе *нумъ* запретилъ ей подниматься на небо и рѣшилъ самъ къ ней *не ѣздить, но, помня ея прежнюю хорошую жизнь*, онъ поручилъ ей слѣдить за родами и назначать по собственному выбору, кому жить много, кому мало, кому быть богатымъ, кому бѣднымъ; вообще, поручилъ ей слѣдить за будущностью каждаго человѣка отдѣльно; вслѣдствіе этого ее въ высшей степени почитаютъ и къ ней на поклоненіе пріѣзжаютъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ; для облегченія ея занятій, *нумъ* разрѣшилъ ей *имѣть писарей*, которые записывали-бы все, что только она говоритъ; она имѣетъ видъ старухи въ собольей шушкѣ, покрытой шелковымъ платкомъ; своей наружности она никогда не мѣняетъ и изъ своего мѣстопребыванія никуда не выѣзжаетъ.

Кромѣ этой богини признается еще одна женщина—дочь одного изъ богатырей, именно *тахыма хонъ ойка*; сводная сестра *тахыма хонъ торума*, живущая около Хонглосанскихъ юртъ и особенно почитаемая за то, что, будучи очень доброй, она всегда заступается за людей и ходатайствуетъ за нихъ передъ *сянь торумъ* и *міръ сусне хумъ*; разъ въ три года ей приносятъ жертвы съ просьбой не забывать человѣческаго рода и не оставлять его своимъ заступничествомъ. Про нее разсказываютъ, что за ней разъ погнался одинъ богатырь съ Оби, *хотѣлъ ее поймать* и взять себѣ въ жены; она была на оленяхъ, онъ—тоже; вдругъ онъ видитъ, что оленій слѣдъ прекратился и замѣнился собольимъ, потомъ горностаевымъ и такимъ запутаннымъ, что много надо было труда разобраться въ немъ; догадался онъ, что все это дочь *тахыма хонъойки* шутитъ; не отсталъ, напалъ на вѣрный слѣдъ и

онъ его привелъ къ лиственицѣ, гдѣ въ корѣ онъ замѣтилъ небольшое отверстіе; сталъ окапывать дерево со всѣхъ сторонъ, обрѣзалъ всѣ корешки, но ничего не нашелъ; такъ и вернулся ня съ чѣмъ; а она, оказывается, превратилась въ жучка и забилась между корнями, онъ не замѣтилъ ее и выбросилъ. Послѣ этого она приняла свой обычный видъ и поселилась на постоянное жительство въ Хонгосанахъ.

Про *сянь торума* разсказываютъ слѣдующее: когда она упала на землю и поселилась на ней, ей для услугъ былъ данъ бѣлый воронъ, котораго она ежедневно посылала смотрѣть, что дѣлается кругомъ, причемъ запрещала ему что-нибудь ѣсть въ дорогѣ; разъ онъ долго не возвращался домой и когда прилетѣлъ, то *сянь-торума* увидала, что онъ изъ бѣлаго превратился въ чернаго. Стала его разспрашивать и оказалось, что онъ по дорогѣ встрѣтилъ падаль и наѣлся ея; тогда сянь-торума прокляла его, прогнала отъ себя и сказала, чтобы онъ всегда пользовался только случайными находками и питался-бы постоянно падалью, отъ чего онъ никогда не будетъ жиренъ и мясо его будетъ самымъ плохимъ изъ всѣхъ существующихъ птицъ. По мѣрѣ того какъ *міръ сусо хулъ* подрасталъ, онъ все чаще и чаще сталъ приставать къ матери съ просьбой отпустить его поискать себѣ противника; мать его убѣждала подождать еще немного и хотя онъ соглашался, но такъ сердился, что при ходьбѣ отъ половицъ отскакивали щепы, изъ которыхъ свободно можно было дѣлать блюда и чашки.

Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ, вышелъ потихоньку изъ дому, подошелъ къ одному мѣсту, гдѣ росъ старый лиственичный пень громадныхъ размѣровъ, толкнулъ его и изъ подъ него выскочилъ конь необыкновенной красоты и силы; тотчасъ-же вскочилъ на него и поѣхалъ кругомъ земли, объѣхалъ ее всю въ семь дней, вернулся домой и сталъ разсказывать матери, что онъ видѣлъ многихъ богатырей, многихъ изъ нихъ побилъ и что ему теперь хочется съѣздить на небо; для этого онъ отправился къ богатырю-кузнецу *тюлъгэ котэль-ойки* и просилъ его придѣлать къ его лошади семь крыльевъ; тотъ

исполнилъ его просьбу и съ этихъ поръ *Міръ сусна хума* сталъ летать по воздуху, небу, но добраться до неба ему не удалось: благодаря семи крыльямъ, полетъ лошади былъ очень неровенъ и она скоро себѣ попортила ихъ всѣ, такъ что ему кое-какъ удалось добраться опять до кузнеца, который поправилъ испорченныя крылья, а къ другой лошади, отнятой *Міръ сусна хума* у одного богатыря, придѣлалъ уже восемь крыльевъ. На ней онъ поѣхалъ снова осматривать все, что только существуетъ во вселенной. Проѣзжаетъ онъ чрезъ одно мѣсто, видитъ стоитъ куча людей, больныхъ, изможденныхъ, плохо одѣтыхъ и спрашиваетъ у коня, что это такое. «Это—разныя болѣзни, насылаемыя на людей». Поѣхали дальше: вдругъ *Міръ сусна хума* сталъ замѣчать, что шерсть у его коня подымается, что онъ начинаетъ спотыкаться и не мчитъ уже такъ легко впередъ, какъ это было раньше; затѣмъ впереди сталъ слышаться какой-то шумъ, который тѣмъ ближе, тѣмъ все болѣе и болѣе сталъ походить на трескъ деревьевъ и на хлестанье вѣтвей. Наконецъ, конь остановился и спрашиваетъ своего сѣдока, знаетъ-ли онъ, что дѣлается впереди, и на его отрицательный отвѣтъ сказалъ: «здѣсь мѣсто, гдѣ наказываются люди, желающіе вредить другимъ; люди, которые завидуютъ сосѣдямъ и дѣлаютъ имъ разныя обиды; которые губятъ своихъ родныхъ и не помогаютъ въ несчастьи; здѣсь стоятъ три лиственницы, которыя съ страшною силой хлещутся одна съ другой и между ними стоятъ наказываемые; если хочешь, поѣдемъ впередъ, только держись крѣпко и закрывай плотнѣе голову.» *Міръ сусна хума* согласился, конь помчался съ быстротою вѣтра, проскочилъ опасное мѣсто и остановился. *Міръ сусна хума* открылъ голову, оглянулся и увидалъ, что на хвостѣ у лошади остались части туловища одного русскаго и одного мальза, которые въ это время подвергались наказанію, остальное осталось между деревьями. Послѣ этого они поѣхали дальше и скоро приблизились къ одному дому, двери котораго охранялись медвѣдемъ и волкомъ; звѣри эти знали, кто съ какимъ намѣреніемъ проходитъ мимо

и поэтому одних, идущих съ какой-нибудь злой цѣлью, гнали, а другихъ свободно впускали въ домъ и даже очищали имъ одежду. Такъ-же легко пропустили *міра сусѣ хума*, но въ домѣ встрѣтившая его женщина стала браниться, что онъ испачкаетъ ее жилище и что ему необходимо прежде всего отправиться въ баню; онъ согласился и пошелъ. Баня была мѣдная и раскалена до красна, а вѣники желѣзные. Не хотѣлось *міра сусѣ хуму* отказаться отъ своихъ словъ, вошелъ онъ въ баню и сталъ париться, прося мысленно мать выручить его изъ бѣды; она ему помогла, не замѣтилъ онъ сорокаго жару и такъ парился, что даже не мало листиковъ отскочило отъ желѣзныхъ вѣниковъ. Вернулся чистый, но хозяйка, страшно удивленная его спасеніемъ, закричала, что сколько времени она ни живетъ, никогда ничего подобнаго не видала, но что все-таки она его не выпуститъ изъ дому; ушла и заперла его. Тогда лошадь сообщила ему чрезъ дверь, что въ заднемъ углу дома есть за постелью дверь, которая ведетъ въ подземелье, гдѣ хранится у хозяйки красавица-дочь; пускай онъ ее возьметъ, затѣмъ выломаетъ подъ окномъ три бревна и выходитъ на волю; все такъ и было сдѣлано, и *міръ сусѣ хумъ* съ красавицей быстро вскочилъ на коня и помчался впередъ; проѣзжая чрезъ лѣсъ, *міръ сусѣ хумъ*, по совѣту самой лошади, палъ ей на переднія, заднія ноги и на морду берестяные колпаки, которые впослѣдствіи оказались очень полезными. Мать, вернувшись домой и не найдя ни дочери, ни плѣнника, погналась за ними въ погоню; первый разъ когда она ихъ догнала, она схватила коня за заднія ноги, но онъ вырвался, оставивъ въ ея распоряженіи только бересту; во второй разъ—за переднія ноги, въ третій—за морду, но везлѣ повторялось то-же самое. Но этимъ погоня не кончилась; тогда конь говоритъ своему хозяину, нѣтъ-ли у него чего-нибудь въ рукахъ; тотъ не догадывается, и такъ до трехъ разъ; наконецъ сообразилъ, что у него плеть, ударилъ ею коня и онъ помчался мимо лѣсу и далеко оставилъ за собою погоню. Сказать слово «плеть» лошадь не могла—запрещено

богомъ. Быстро подвигался впередъ, они домчались до потока, наполненнаго кипящей смолой, гдѣ, по словамъ лошади, мучились люди, умершіе искусственной смертью и предупредившіе такимъ образомъ волю бога; на берегу потока похищенная дѣвушка, которая успѣла уже полюбить своего похитителя, превратилась въ волосокъ (а она умѣла принимать разные виды), чтобы коню было легче черезъ него перепрыгнуть; миновавъ благополучно потокъ, они двинулись впередъ. Вдругъ впереди ихъ показался огонь, объѣхать который было нельзя; но конь говоритъ, что бояться нечего; пусть только онъ себя и дѣвушку покроетъ одеждой и не смотритъ на то, что дѣлается кругомъ; такъ и было исполнено; только чувствуетъ *міра сусяэ хумъ*, что они бѣгутъ и все конца нѣтъ; тогда онъ потихоньку открылъ голову и тотчасъ-же ее спряталъ, такъ какъ увидалъ, что они мчатся по огненному морю; наконецъ, *трехъ семь дней это* путешествіе кончилось и они вздохнули свободно. Огонь этотъ сѣверное сіяніе—*гизь най тэ́ръ* или *шорумъ най тэ́ръ* виденъ и до настоящаго времени и такъ какъ *міра сусяэ хумъ* съ конемъ были бѣлаго цвѣта, то поэтому въ немъ и замѣчаются бѣлыя полосы. Послѣ этого они подъѣхали къ морю, гдѣ у самаго берега замѣтили дверь, ведущую въ подводное царство. Конь посовѣтовалъ *міра сусяэ хумъ* оставить дѣвушку съ нимъ, а самому спуститься къ морскому царю—*анта хонъ* (домъ былъ его); но лишь только онъ услышитъ стукъ въ дверь, такъ необходимо немедленно оттуда уходить, иначе морской царь напуститъ на него разныхъ морскихъ чудовищъ. Входитъ онъ въ домъ, изумился царь, никогда къ нему до того времени никто не приходилъ,—и спрашиваетъ его, *что ему надо*; на это *міра сусяэ хумъ* отвѣтилъ, что онъ осматриваетъ всю вселенную и между прочимъ заѣхалъ въ его царство. Тогда сталъ *анта хонъ* показывать ему свои богатства, наконецъ, отворилъ окошко и изъ него можно было увидать всѣхъ морскихъ рыбъ и чудовищъ. Въ это время послышался лошадиный стукъ и *міра сусяэ хумъ*, говоря, что ему необходимо посмотрѣть коня, быстро

поднялся наверхъ, выпелъ на свободу, сѣлъ на коня и поскакалъ домой, осмотрѣвъ такимъ образомъ вселенную и добывъ себѣ невѣсту.

Вернувшись домой, онъ увидалъ свою мать очень дряхлой старухой, потерявшей зрѣніе и память на столько, что она его даже не узнала. Тогда онъ ударилъ ее кулакомъ въ грудь и она превратилась опять въ молодую, но настолько небольшаго роста, что кисти ея платка касались полу; тутъ она его признала, очень обрадовалась, что онъ вернулся изъ своего долгаго отсутствія и велѣла ему готовиться къ новому путешествію на небо къ отцу — *нуми*, чтобы получить отъ него власть надъ землей и надъ всемъ живымъ. Дѣйствительно, скоро *нуми*, утомленный постоянными распрями и ссорами, происходившими между его сыновьями, какъ объ этомъ уже было сказано, велѣлъ всѣмъ имъ явиться къ нему. Получивъ такой, приказъ *мірь сусэ хумъ* лечь, по совѣту матери, немедленно спать, затѣмъ она его разбудила, когда еще заря не потухала и велѣла немедленно летѣть на своей 8-ми крылатой лошади, уже вполнѣ готовой, на небо; онъ такъ и сдѣлалъ и явился первымъ къ дому отца, отъ чего и получилъ первенство надъ братьями, которыхъ онъ встрѣчалъ уже на обратномъ пути. Когда братья узнали о совершившемся, то стали негодовать на *мірь сусэ хумъ* и особенно старшій *полумъ торумъ*, который по праву разсчитывалъ занять первенствующее мѣсто; поэтому онъ отправился къ *мірь сусэ хумъ*, сталъ прежде всего его бранить, а послѣ началъ и драться; узнавъ про это, *нуми* немедленно послалъ своего крылатаго прислужника—*тоуль одырь*—ихъ развять и убѣдить *полума* помириться со своей судьбой. Слова *тоуля* не произвели никакого впечатлѣнія и тогда онъ предложилъ имъ порѣшить свою ссору такимъ образомъ: взять самую сильную и быструю лошадь, связаться другъ съ другомъ волосами, перекинуться чрезъ сѣдло и поскакать; кто прежде устанетъ и застонетъ отъ боли, тотъ и долженъ уступить; они согласились, сдѣлали все такъ, какъ было условлено, и побѣдителемъ изъ этого

вышелъ *міра сусна хума*; дѣлать *ничуму* было нечего и онъ принялъ старшинство брата; хотя еще два раза пытался съ нимъ бороться, но опять безуспѣшно.

Послѣ этого *міра сусна хума* вернулся домой, гдѣ нашелъ мать снова сильно постарѣвшей, а домъ совсѣмъ обвалившимся; *въ чувалѣ-же догорала послѣдняя искра* и не было приготовленныхъ дровъ; при входѣ въ домъ, онъ сильно хлопнулъ дверью, отъ этого и послѣдняя искра потухала: не узнала его *сына тюрлма*, стала бранить, а онъ взялъ ее на ладонь, дунулъ и сдѣлалась она молодой и красивой; увидала тогда, кто передъ ней, стала его цѣловать и радоваться его счастью, когда онъ ей все разсказалъ. Посовѣтовала она ему кромѣ одной жены взять еще нѣсколько, *чтобы имѣть* побольше сыновей, которые помогали-бы ему управлять землей; *онъ послѣдовалъ ея совѣту*, взялъ трехъ богатырскихъ дочерей и прижилъ съ ними семь сыновей. Стали обращаться къ нему разные народы съ просьбой придти и поселиться съ ними; самъ онъ отказывался исполнить ихъ просьбы, а посылалъ вмѣсто себя своихъ сыновей, но ихъ не хватило, а просить продолжаютъ, тогда онъ, по совѣту матери, послалъ въ одно мѣсто свою шапку, въ другое—рукавицы, въ третье—опояску, чтобы эти вещи *постоянно напоминали людямъ* объ его существованіи и только тогда, когда къ нему обратились бѣдные мальзы, онъ согласился на ихъ просьбу и перешелъ туда, гдѣ теперь Троицкія юрты. Заботясь о людяхъ, онъ отправился къ морю сказать птицамъ, чтобы онѣ для приплода пристали въ сѣверныя мѣста и сдѣлалъ у нихъ царемъ лебедя, а княземъ орла; людямъ-же показалъ устройство перевѣса, которымъ они пользуются и теперь, особенно во время весенняго и осенняго пролета; только первый разъ, когда птицы прилетѣли, *онѣ хотѣли повернуть* съ тѣмъ, чтобы больше не возвращаться: люди сдѣлали перевѣсъ на столько большой, что ни одной птицѣ нельзя было пролетѣть; подлетаетъ орелъ, спрашиваетъ вмѣю, не слыхала-ли она отъ людей, сколько дней думаютъ они держать такой перевѣсъ. «Семь», отвѣчала

змѣя; на другой день прилетаетъ лебедь, затѣмъ на третій—гусь, на четвертый — гагара, которой кое-какъ удалось перелетѣть чрезъ переѣздъ, на пятый — утка; ей оставалось лишь, что оставался всего два дня. Но что гагара уже прилетѣла и что люди, утомившись ждать, перестали такъ зорко слѣдить, какъ это было раньше; дѣйствительно, птицы всѣ собрались и большая часть изъ нихъ свободно перелетѣла пріютолинную заливку, и такъ какъ мѣста, куда онѣ попали, были хорошія, то онѣ и рѣшили сегодня сюда возвратиться.

Разсказанное сейчасъ преданіе о *мірѣ сухой лужи* считается связаніемъ священнымъ—*слабымъ мѣстомъ*, слушать которое женщинамъ нельзя, а мущинамъ къ нему должно относиться съ самымъ большимъ вниманіемъ, иначе невнимательнаго слушателя постигнетъ какое-нибудь наказаніе; разсказчику за это всегда что-нибудь дамутъ изъ припасовъ и стараются доставить всевозможныя удобства; несмотря на сравнительную несложность и краткость разсказа встрѣчается весьма мало Маньовъ, которымъ-бы его вполнѣ, большею же частью ограничиваются лишь одними отрывками.

Царствомъ тѣней, царствомъ мертвыхъ *маньусть куло оныр* или просто *куль*—*пиюлъ*, про котораго, какъ и про *маньо*—лѣшаго—рѣчь будетъ впереди; теперь достаточно сказать только то, что маньовъ, изображаемыхъ обыкновенно въ видѣ людей высокаго роста, съ остроконечной открытой головой, съ волосами, обстриженными по-русски въ скобку и безъ малѣйшей растительности на лицѣ, теперь, по увѣреніямъ инородцевъ, стало гораздо меньше, чѣмъ было раньше, что можно объяснить появленіемъ огнестрѣльнаго оружія, котораго *маньо*, особенно заряженнаго мѣдными пулями, боятся больше всего. *Маньо* могутъ по своему произволу принимать различные виды, постоянно мѣнять ихъ, и этой способностью обладаютъ не только они сами, но и ихъ жены и дѣти. Они часто нападаютъ на людей, убиваютъ ихъ, съѣдаютъ и остатки приносятъ въ свои большіе листвянничные дома, построенные обыкновенно въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, окруженныхъ не-

проходимыми болотами; здѣсь у нихъ всегда хранится медвѣжьихъ шкуръ, которыя и служатъ имъ постелью; иногда онѣмы ограничиваются только тѣмъ, что кутаются; такъ напримѣръ, мнѣ разсказывалъ одинъ изъ машковъ, что онъ шелъ изъдной въ дальній лѣсъ видѣлъ сонъ, предупреждающій его о грозящей ему со стороны *мужа* опасности: онъ на это не обратилъ никакого вниманія, поѣхалъ, достигъ мѣста только въ ночи, развелъ огонь и пошелъ на рѣку за водой; тутъ его точно ледяной струей охватило, руки отказались почему-то сразу служить; онъ испугался, вернулся назадъ къ огню; вдругъ слышитъ по лѣсу раздаются тяжелые шаги, деревья трещатъ, сучья ломаются, вѣтеръ началъ свистать. Оробѣлъ малый, а тутъ еще увидалъ, что прямо на него идетъ *мужъ* въ своемъ обыкновенномъ видѣ, только настолько высокаго роста, что головой былъ выше всѣхъ деревьевъ; *завидѣвъ онъ на широкомъ*, страшно захохоталъ и потерялъ назадъ; не помнитъ дальше разсказщикъ, что съ нимъ было, очнулся только къ утру, и то не надолго, заболѣлъ и пролежалъ въ горячкѣ болѣе двадцати дней: хорошо еще, что мимо проходили товарищи и захватили его съ собой, а то пришлось бы съ голоду умереть. Кромѣ *мужа* въ лѣсу еще водятся *урки* съ собачьими когтями на рукахъ и ногахъ и съ собачьими клыками, и *мисъ хума* съ женой—*мисъ ю* и съ дѣтьми—*мисъ нидрами*, созданные *нуми* въ одинъ день съ *мэнквами*. *Мисъ хума* имѣетъ человѣческій видъ, только очень высокаго роста, *выше дерева*, и съ громадными бровями; если какая-нибудь изъ его дочерей (а у него ихъ много) зайдетъ къ кому-нибудь изъ мущинъ и сдѣлается на время его женой, то онъ въ короткое время сильно разбогатѣетъ, такъ какъ ему все начнетъ удаваться (съ этою цѣлью собственно и создалъ *мисъ хума* тотчасъ-же послѣ вышеупомянутаго, какъ мы увидимъ ниже, сотворенія *мэнквы*); во время прихода дочери къ временному мужу ее никто изъ посторонихъ не *должнъ* и въ *это* время въ домъ не должно быть ни одной женщины, а то она обидится и немедленно уйдетъ.

Въ водѣ живетъ кромѣ *аима гома*—морского царя, про которого мы уже говорили, еще *змѣй муль*; онъ посланъ съ неба въ воду *нуми* еще въ то время, когда жили богатыри; живетъ онъ обыкновенно въ заводяхъ и летаетъ исключительно землей, чтобы ея обогатить, для чего онъ и посланъ; что-же касается до *аима гома*, живущаго въ Ледовитомъ морѣ за устьемъ Оби, гдѣ у него построенъ золотой домъ, то его послалъ *нуми* съ неба послѣ сотворенія рыбы, чтобы онъ слѣдилъ, сколько у какой рыбы будетъ икры и чтобы отпускалъ необходимое ея количество на потребности человѣка.

На этомъ мы и покончимъ разсказъ о богахъ и скажемъ нѣсколько словъ про богатырей, имена которыхъ намъ приходилось не разъ уже упоминать. Богатыри—*полатыри* или *обыръ* (оба слова, признаемые маньзами за свои) и великаны прежде жили на небѣ и прислуживали богамъ; они были долговѣчны—ихъ жизнь продолжалась до 300—400 лѣтъ; какъ они созданы, свѣдѣній рѣшительно нѣтъ никакихъ; затѣмъ, когда ихъ стало много, они были спущены на землю; здѣсь они начали бороться и драться между собою — главнымъ образомъ, изъ-за женщинъ—и довели дѣло до того, что разсерженный *нуми* устроилъ потопъ, во время котораго они всѣ и погибли. Послѣ потопа хотя и были богатыри, но это вновь спущенные съ неба. Жили они или отдѣльными семьями, или цѣлыми селеніями, причемъ дома устроивали изъ камня и изъ земли; они отличались громадной силой и, убивая своихъ противниковъ, всегда ихъ скальпировали, чтобы всѣ могли видѣть, сколько каждый изъ нихъ убилъ враговъ; говорили они по обски, такъ какъ въ ихъ время еще языка маньзовъ не было—онъ появился послѣ потопа. Убивъ врага, они всегда съѣдали его сердце и печень, чтобы вся сила убитаго перешла къ нимъ и чтобы онъ не ожилъ. Память о богатыряхъ жива до сихъ поръ и многіе изъ нихъ почитаются, особенно тѣ, которые умерли своей смертью, а не погибли во время потопа или не окаменѣли: нѣкоторые изъ нихъ были превращены въ камень за свое безбожіе и за дерзостное на-

мѣреніе начасть на боговъ. Многіе изъ родовыхъ и семейныхъ боговъ — ничто иное, какъ именно эти богатыри, признаваемые почему-либо покровителями: и черные найтаны — *хубы*, по преданію, сдѣланы самими богатырями, которые приказали ихъ дѣлать и на будущее время въ воспоминаніе давно минувшихъ временъ; признаніе ихъ первыми людьми нѣкоторыми богами, которые строго смотрятъ за ихъ исполненіемъ. Про богатырей существуетъ масса преданій, которыя я не буду здѣсь приводить; ограничусь только разсказомъ, объясняющимъ появленіе словъ *мось хумъ* и *торгы хумъ* и нѣкоторыми другими. Разъ богатыри, возвратившись съ охоты, только что расположились ѣсть убитую дичь, какъ видятъ, что на нихъ идетъ множество другихъ богатырей; часть ихъ испугалась, бросилась бѣжать, но, не желая разставаться съ мясомъ, захватила и его сырь емъ — это такъ называемые *мось хумъ* или *торгумъ сыръ хумъ*; другіе же, побуждаемые голодомъ, остались и начали грѣть котелъ, но не успѣли; противники пришли и разбили имъ носы (они съ этою цѣлью и приходили — хотѣли насмѣяться); съ этихъ поръ они и стали носить имя *порхъ хумъ*; ихъ потомство и сохранило названіе *мось хумъ* и *порхъ хумъ*, и въ настоящее время всѣ маньы ведутъ свое происхожденіе отъ тѣхъ или другихъ богатырей, причемъ теперь большею частью, а прежде обязательно, брачные договоры совершаются между людьми, принадлежащими къ разнымъ поколѣніямъ: выйти женщинѣ изъ поколѣнія *мось хумъ* замужъ за человѣка, происходящаго изъ того-же рода, считается въ высшей степени предосудительнымъ, точно также и наоборотъ.

Выше Сартыньи, версты на полторы, жила одна женщина — *урне* съ семью сыновьями богатырями — *торгумъ сири ойкрась одыръ*, которые занимались, подобно другимъ богатырямъ, только тѣмъ, что грабили проѣзжающихъ: для того, чтобы знать время ихъ проѣзда, они протянули черезъ рѣку веревку съ колокольчиками и лишь только раздавался ихъ звонъ, они выходили, пробивали стрѣлами лодки, убивали

сидящихъ въ нихъ и брали себѣ все ихъ имущество. Узнавъ про это *тюлъмя хотыл торум*, разсердился и говоритъ: «Я и божескій сынъ, а себѣ этого не позволяю». Послалъ, нагналъ на нихъ сонъ, во время котораго перерѣзалъ веревку, протянутую чрезъ рѣку и спряталъ ихъ кольчуги; затѣмъ послалъ на нихъ богатырей, которые всѣхъ ихъ перебили, такъ какъ они безъ кольчугъ сражаться не могли; мать ихъ съ горя превратилась въ камень, который лежитъ тутъ же въ рѣкѣ съ лѣвой стороны; кромѣ этихъ богатырей были на Сосьвѣ еще и другіе: напримѣръ, на разстояніи одной станціи отъ Березова по направленію къ Сартынью, на Елдынномъ жило пять человѣкъ *онлыт тарлы ёхолъ ойыръ* или *онлыт тоуль нэнэ ортъ* съ 150 прислужниками; затѣмъ у *яли-усъ* жилъ богатырь съ женой — *яли-усъ ойчи*: далѣе, между *Вангреемъ* и *Атлымъ усъ* прежде былъ каменный мостъ, соединявшій эти двѣ мѣстности, на которомъ нерѣдко происходили стычки между богатырями, обитавшими въ *атлымъ усъ* и приходящими снизу; но затѣмъ мѣстные богатыри ушли, такъ какъ среди *богатыреихъ* обычаевъ былъ одинъ, который не позволялъ имъ жить тамъ, гдѣ происходили частыя схватки. Существующая у Вангреева пещера обязана своимъ происхожденіемъ слѣдующему обстоятельству: разъ одинъ богатырь бѣжалъ отъ преслѣдующихъ его враговъ; у него былъ ящикъ съ разными дорогими для него вещами; видя, что его догоняютъ, онъ съ страшною силой бросилъ его въ утесы; шкатулка пробила отверстіе, и такимъ образомъ было положено начало пещерѣ; вотъ почему, по мнѣнію инородцевъ, въ ней и находились прежде разныя металлическія вещи особенно зеркала. Послѣ богатырей, по преданію, остались нѣкоторыя вещи, такъ напримѣръ, въ Югримскихъ и Тегинскихъ юртахъ хранятся сабли, которыя мнѣ впрочемъ, не смотря на всѣ мои старанія, видѣть не удалось; объясняли это тѣмъ, что не всѣмъ суждено видѣть такія священныя вещи.

Со смертью, по вѣрованіямъ инородцевъ, жизнь не прекращается вполнѣ, такъ какъ начинается другая въ подзем-

номъ царствѣ, обставленная извѣстными условіями. Инородцы вѣрятъ, что у каждаго человѣка, кромѣ тѣла, есть еще тѣнь—ись и душа—*амаи хелмхомся* (у животныхъ тоже); послѣдняя, по смерти человѣка, переходитъ въ тѣло новорожденнаго ребенка, принадлежащаго къ тому-же роду, членомъ котораго былъ умершій; если-же родъ весь вымеръ, то она переходитъ въ дѣтей другихъ родовъ, наконецъ, другихъ народностей, но никогда не переходитъ въ тѣло животныхъ. Что-же касается до тѣни, то она отправляется въ подземное царство, расположенное въ Ледовитомъ морѣ за устьемъ Оби и находящееся въ распоряженіи подземнаго бога *куль обыръ*; здѣсь она живетъ столько-же времени, сколько жилъ человѣкъ на землѣ, причемъ занимается тѣмъ-же самымъ дѣломъ, т. е. если человѣкъ на землѣ былъ оленеводомъ, то и подъ землей онъ будетъ имъ; если онъ исключительно билъ звѣря и ловилъ рыбу, то и тутъ онъ будетъ также охотиться, и т. д.; затѣмъ тѣнь начинаетъ понемногу уменьшаться, доходитъ до величины одного жучка — *кэръ хомлэтъ* (по словамъ другихъ — превращается въ него) и, наконецъ, вполнѣ исчезаетъ. Люди, много грѣшившіе на землѣ, обижавшіе и непочитавшіе боговъ, будутъ нести за это наказаніе въ будущей жизни, которое, главнымъ образомъ, будетъ выражаться въ томъ, что они будутъ постоянно работать, но работа у нихъ не будетъ идти хорошо и трудъ ихъ будетъ мало вознаграждаться. При входѣ въ подземное царство главная дорога раздѣляется на три пути и у каждаго стоитъ по столбу, на которомъ сказано, кто куда долженъ идти: по среднему идутъ удавленники, утопленники, застрѣлившіеся и вообще всѣ, кто искусственно прекратилъ свою жизнь; по правому—остальные грѣшники, по лѣвому—люди, жившіе, какъ слѣдуетъ; людей, погибшихъ насильственною смертью, при входѣ будутъ бить, затѣмъ они предупредили волю *нуми*, и затѣмъ продолженіе всего пребыванія подъ землей они, кромѣ разныхъ неудачъ, небудутъ ничего испытывать; въ первое-же время они будутъ еще кишѣть въ расплавленной смолѣ. Если умираетъ кто-нибудь изъ семьи—отецъ,

мать, сынъ, дочь, братъ, сестра и т. д., то говорятъ: *сомыш падась* — мученію предался; если изъ постороннихъ и вообще изъ людей не ближнихъ, то *колалась*— умеръ. Иногда тѣнь умершаго беретъ съ собой тѣнь кого-нибудь изъ родныхъ или ближнихъ, и тогда тотъ человѣкъ скоро умираетъ. Царствомъ тѣней, освѣщаемымъ лишь лунными лучами, какъ я уже сказалъ, завѣдуетъ *куль отыр*, про которато, какъ полагаютъ мансы, умный человѣкъ и говорить не будетъ. Узнать не менѣе мнѣ удалось узнать слѣдующее: *куль отыр* родился подъ землей, отъ кого — узнать не могъ; онъ для дѣлъ цѣлымъ городомъ и живетъ со своей семьей въ большомъ золотомъ домѣ, гдѣ ему прислуживаетъ масса слугъ, вполнѣ похожихъ на людей, только меньшаго роста. Пока онъ не выходилъ изъ-подъ земли, богатыри и люди не умирали, но разъ ему захотѣлось посмотрѣть, какъ живетъ небесный богъ— *нуми торумъ*, полюбоваться его домомъ, а если возможно, то и отнять. Приходитъ, видитъ дворецъ, плѣнился имъ, хочется взять, но *нуми* догадался и крѣпко заперъ всѣ двери; *куль отыр* этимъ не смутился и сталъ подкапываться подъ домъ, вполнѣ увѣренный, что, при паденіи, онъ попадетъ прямо въ его подземное царство. Замѣтивъ это и отлично понимая, съ какою цѣлью все это дѣлается, *нуми* перенесъ свой домъ въ другое мѣсто, подложивъ предварительно подъ него желѣзныя доски; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ семи слугамъ залѣзть въ старыя березы, отъ которыхъ осталась одна только береста и сердцевина которыхъ была вся уже изъѣдена, и карауллть *куль отыр*. Лишь только послѣдній принелъ, его немедленно схватили, засадили въ желѣзную бочку, крѣпко забили и бросили въ темное мѣсто; отъ долгаго сидѣнія въ этой бочкѣ онъ высохъ, какъ щепка. Отецъ *нуми*, *корсъ торумъ*, по своей добротѣ приказалъ освободить его и, не желая, чтобы онъ оставался безъ дѣла, поручилъ ему завѣдываніе подземнымъ царствомъ и приказалъ ежедневно являться къ *нуми* и брать у него записи, кому слѣдуетъ умирать, а также на кого насылать болѣзни («иначе слишкомъ много людей

будетъ», думалъ *корсъ торумъ*); съ тѣхъ поръ *куль одыръ* сталъ приходить къ *нуми*, который его въ свой домъ все-таки не пускалъ, а заставлялъ сидѣть у порога. Вернувшись въ свое царство, *куль-одыръ* сталъ охотиться за звѣремъ, птицей и рыбой, многихъ убивалъ, но еще большее количество портилъ: всякое животное, какъ только онъ начиналъ ѣсть, дѣлалось чернымъ и теряло способность насыщать людей. Люди, которымъ, при видимомъ изобиліи съѣстныхъ припасовъ, грозила голодная смерть, обратились за помощью къ *нуми*, который быстро спустился на землю, убилъ рябчика, все недававшагося *куль* и отличавшагося въ то время своей величиной и особенно голосомъ, громкимъ подобно грому, разрѣзалъ его на кусочки и роздалъ ихъ различнымъ животнымъ, у которыхъ отъ этого или все тѣло побѣлѣло или только его часть; послѣдній-же кусокъ опять превратилъ въ *рябчика*, но уже маленькаго и такого, котораго могъ добывать всякій охотникъ; послѣ этого люди успокоились, такъ какъ пища стала ихъ насыщать. Получивъ записи отъ *нуми*, *куль* беретъ тѣни записанныхъ и гонитъ ихъ большою дубиною чрезъ тундры въ свое царство, причемъ чрезъ воду перевозитъ въ огненной лодкѣ; если по ошибкѣ онъ возьметъ тѣнь ранѣе времени, то, по приказанію *нуми*, онъ возвращаетъ ее назадъ, и этимъ и объясняются, по мнѣнію инородцевъ, тѣ продолжительные обмороки, въ которые иногда впадаютъ люди.

Но разсказамъ нѣкоторыхъ инородцевъ, тѣнямъ въ подземномъ царствѣ приходится карабкаться на высокія горы и переходить огненные потоки, поэтому-то они никогда и не бросаютъ сломанныхъ или остриженныхъ ногтей и волосъ, которые до поры до времени хранятся гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, чтобы потомъ первою по смерти весною, когда прилетятъ чирки, вырвать у нихъ два хвостовыхъ пера и сжечь ихъ вмѣстѣ съ спрятанными ногтями и волосами; тогда эти волосы и перья дадутъ тѣни возможность перейти чрезъ огненные потоки и вскарабкаться на высокія горы. Послѣдствіе

такихъ взглядовъ на будущую жизнь, инородцы, когда хоронятъ своихъ покойниковъ, надѣляютъ ихъ всѣмъ, что только составляло ихъ собственность въ этой жизни и затѣмъ потомъ иногда пополняютъ этотъ запасъ, особенно съѣстными припасами, водкой и табакомъ, для чего въ могилѣ всегда оставляется нѣчто вродѣ окошка, куда опускаются пища и небольшія деревянныя лопаточки, замѣняющія ложки (подобныя лопаточки употребляются также и при жертвоприношеніяхъ, такъ какъ, по мнѣнію инородцевъ, боги пищу ѣдятъ ими, а не ложками; поэтому у всякаго идола какъ въ его кладовой-хранилищѣ, такъ и въ мѣстѣ принесенія жертвъ, всегда находится не мало такихъ лопаточекъ, приносимыхъ вѣрующими вмѣстѣ съ пищей своимъ богамъ). Обыкновенно умершаго стараются похоронить въ тотъ же день, когда онъ умеръ, причемъ тѣло выносятъ не чрезъ дверь, а чрезъ окно или, если покойникъ въ чуму, то чрезъ нарочно прорѣзанное отверстіе. До кладбища, расположеннаго у низовьевъ и верховьевъ остяковъ обыкновенно гдѣнибудь въ лѣсу, тѣло, вполнѣ одѣтое, несутъ на рукахъ или везутъ на оленяхъ, которые при этомъ обязательно убиваются на свѣжей могилѣ и преимущественно посредствомъ удавленія: на шею накидываютъ петлю, привязываютъ за свободный конецъ къ дереву и затѣмъ ударами заставляютъ оленя бѣжать въ ту или другую сторону, такъ что онъ душитъ самаго себя; послѣ этого ему въ сердце втыкаютъ деревянную спицу; шкуры этихъ оленей зарываютъ тутъ же рядомъ съ могилой, мясо съѣдаютъ, а кости кладутъ къ покойнику. Могила у низовьевъ и верховьевъ остяковъ вырывается не глубже двѣнадцати вершковъ или одного аршина и имѣетъ бока выложенные деревомъ или берестой; въ такую яму опускаютъ лодку, обыкновенно однодеревку, большею частью съ отпиленной кормой и носомъ и съ уплощеннымъ дномъ и сверху закрываютъ берестой или досками; по нимѣнію лодки, тѣло кладутъ въ ящикъ, по формѣ весьма похожій на лодку. Поверхъ ямы, на высотѣ одного или двухъ вершковъ отъ земли дѣлается крыша, уплощенная и только слегка по-

кятия на объ стороны; крышка эта состоитъ изъ ряда тонкихъ бревенъ, расположенныхъ продольно и покрытыхъ очень искусно сверху и снизу слоями бересты, отъ чего не смотря на малую глубину могилы и на то, что тѣло землей не засыпается, запаха на кладбищахъ не бываетъ. Наконецъ, верноль на 6 — 8 отъ земли возвышается еще крыша, устроенная совершенно подобно предыдущей. Вещи кладутся, особенно мелкія во внутреннюю часть, и только болѣе крупныя— лыжи и т. п., находятся на крышѣ гроба; сверху же могилы обыкновенно лежатъ опрокинутыя нарты, весло, оленій шестъ, иногда лодка. Интересенъ тотъ фактъ, что надъ инородцемъ, умершимъ вдали отъ родины, напримѣръ на Оби во время рыбной ловли, на родинѣ всегда совершаютъ обрядъ погребенія, причемъ такъ-же вырываютъ могилу, такъ-же кладутъ разныя вещи и даже такъ-же совершаютъ нѣчто вродѣ поминокъ, какъ это бываетъ и съ обыкновенными покойниками. Послѣ того какъ гробъ опущенъ въ могилу, начинаютъ варить какое-нибудь мучное или мясное кушанье, выливаютъ затѣмъ на сбоку гроба, пробиваютъ дно у котла и кладутъ его тоже въ могилу. У самоѣдовъ и низовыхъ остяковъ, кстати сказать, могилъ обыкновенно не роютъ, а тѣло кладутъ прямо на материкъ, причемъ сверху покрываютъ опрокинутыми нартами. У нихъ-же существуетъ обычай, чтобы жены послѣ смерти мужей дѣлали изъ бересты, дерева и шкуровъ куклы, долженствующія олицетворять покойника, и въ продолженіи шести мѣсяцевъ класть ее съ собой спать, угощать ѣдой, и т. д.; если этого не дѣлать, то тѣнь умершаго будетъ мстить. Кукла эта помѣщается всегда въ почетномъ мѣстѣ, которое при жизни составляло принадлежность хозяина. Это время считается временемъ траура, и рѣдко какая-нибудь изъ вдовъ рѣшится вновь выйти замужъ ранѣе истеченія положеннаго срока. Одежда и украшенія на куклѣ дѣлаются подобными настоящимъ, а иногда какая-нибудь старательная вдова вырѣзаетъ даже лицо и раскрашиваетъ его разными красками. Внѣшними признаками траура считаются у нѣкоторыхъ ино

родцемъ — распускаютъ волосы (у мущинъ продолженіе пяти дней, у женщинъ — четырехъ), вопятъ кость спереди, и по сзади (у мущинъ продолженіе пяти мѣсяцевъ, у женщинъ — четырехъ, причемъ головные платки послѣдними носятся тогда на шапку: кромѣ того мущины надѣваютъ на какой-нибудь пояръ одну или двѣ бусы и носятъ ихъ на шеѣ или на рукѣ во тѣхъ поръ, пока шнуръ не перетрется. Плачъ при погребеніи обыкновенно не бываетъ; но это, по всей вѣроятности, зависитъ отъ того, что жены вообще, какъ и всѣ породы сѣверо-западной Сибири, плакать не охотники, и если иногда этимъ и занимаются, то исключительно, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, приходилось наблюдать, въ пьяномъ состояніи. При приближеніи смерти умирающему въ ротъ вставляютъ палочку, которая не позволяетъ ему сильно стискивать зубы, и лишь только онъ умретъ, голову покрываютъ платкомъ, одѣваютъ во все лучшее и кладутъ на то-же мѣсто, гдѣ онъ умеръ; въ это время обыкновенно не говорятъ ни слова. Затѣмъ женщины распускаютъ волосы и начинаютъ плаксивымъ голосомъ причитывать объ умершемъ: о томъ, какой онъ былъ хорошій охотникъ, какъ заботился о семьѣ, и т. д.; иногда тоже самое продѣлываютъ и мущины, которые въ это время заняты приготовленіемъ гроба и могилы. Когда гробъ готовъ, въ него укладываютъ покойника: мущину — мущины, а женщину — женщины, закрываютъ его, чертятъ иногда угленъ на крышкѣ какого-нибудь звѣря, птицу или рыбу и говорятъ, что все готово; тогда старшая изъ женщинъ въ семьѣ — бабушка или мать, за неимѣніемъ первой, начинаетъ приподымать гробъ; если тяжело, то обѣщаетъ сдѣлать какое-нибудь приношеніе богамъ: *мірь сусе хумъ*, *сонъ торумъ* и *хуль ойыръ*; тоже самое продѣлываютъ и всѣ присутствующіе по старшинству, сперва женщины, послѣ мущины; затѣмъ уже тѣло несутъ или везутъ на кладбище. Для лучшаго ознакомленія съ характеромъ погребенія самая выгодная находка — это нежилая могила, такъ какъ въ ней всегда можно найти помимо обыденныхъ вещей, и изображенія боговъ, и разные

гаисманы вещь пресерьезнымъ зуботь животнымъ, ихъ частей, равныя мелкія кости и въ томъ числѣ черепа, имѣющіе то или другое мистическое значеніе.

Разсматривая далѣе сѣди эвенскихъ вѣрованій мальчикъ, намъ остается сказать только, какъ они смотрятъ на сотвореніе міра и на его окончаніе. Про сотвореніе они разсказываютъ слѣдующее: прежде всего *корсъ тарумъ* создалъ небо, землю, воду, огонь, солнце, луну и звѣзды, причемъ земля была создана плоской, сверху прикрытой небомъ, а съ краевъ окруженной водой; сама она неподвижна, но за то солнце и луна двигаются вокругъ всея. При ея сотвореніи было постановлено такъ: вначалѣ вода покрывала собою все существующее и *корсъ тарумъ* велѣлъ *лулу*, птицѣ, отлично ныряющей, достать со дна не много песку; она три раза ныряла, но первые два безуспѣшно и только въ третій захватила немного песку и то поцерхнулась, и онъ разлетѣлся въ разныя стороны, только одинъ небольшой комочекъ и остался на мѣстѣ, у самой же ея горла пошла отъ натуги кровь, которая запачкала ей немного голову, отъ чего у нея и до сихъ поръ голова красная. Тогда прилетѣла гагара, стала смѣяться надъ лулой, говоря, ей-ли такой небольшой птицѣ доставать изъ-подъ воды землю; вынула сама два раза, но оба безуспѣшно, а на третій вынула земли. *Лули*, чтобы дать ей вздохнуть, положила ее голову къ себѣ за спину, запачкала при этомъ ей тоже кровью (у гагари этой и до сихъ поръ она красная) и привела ее въ чувство. Когда та оправилась, она и говоритъ *лули*: «Спасибо, никогда этого не забуду: будь ты съ этихъ поръ старшей, а я тебя буду во всемъ слушаться». Послѣ этого онѣ улетѣли, и гагара стала считаться младшей, а лула старшей сестрой. На другой день изъ того комочка, который вынесла *лули*, сдѣлалась земля такой величины, что на нее можно было поставить одну ногу; затѣмъ она стала дѣлаться все больше и больше, такъ что птица въ первый разъ могла ее облетѣть въ то время, въ какое поспѣваетъ котелъ, во второй — до полудня съ восхода солнца, а въ третій — уже

приходилось лечь цѣлыхъ три дня; затѣмъ земля достигла своей обыкновенной величины, хотя и теперь еще она понемногу увеличивается; для избѣжанія же слишкомъ сильнаго расширенія существуетъ *змѣй куль*, о которомъ рѣчь была раньше, и который исключительно питается землей, а также и лѣсные пожары, посылаемые теперь *нуми*, съ тою-же цѣлью облегченія земли, которая иначе отъ тяжести все болѣе опускалась-бы подъ воду. Вмѣстѣ съ этимъ были созданы и богатыри, которые, какъ уже было сказано, сильно воевали *между собою*, главнымъ образомъ изъ-за женщинъ, и много проливали крови.

Нуми торумъ, который, по порученію отца, слѣдитъ за всѣмъ, что *дѣлается на землѣ*, нѣсколько разъ предупреждалъ ихъ, но все напрасно; тогда онъ спустился на землю и все поджегъ. Много при этомъ погибло богатырей, но не всѣ. Оставшіеся въ живыхъ ста ли себѣ, за исключеніемъ лѣса, *строить* земляники, слѣды которыхъ видны и теперь (по словамъ другихъ, земляники эти — остатки жилищъ самихъ маньзовъ, которые спасались въ нихъ во время нападенія враговъ, причемъ изъ нихъ нерѣдко вели подземные ходы въ глубь лѣса и къ рѣкѣ); остатки такихъ землянокъ существуютъ, напримѣръ, на Сѣверной Сосьвѣ, по лѣвой сторонѣ рѣки, на три версты ниже и на двѣ выше Сартыньи. Не обращая вниманія *на постигшее* ихъ несчастіе, богатыри опять вступили въ ожесточенную борьбу между собой; тогда *нуми* велѣлъ водѣ выйти изъ береговъ и все потопить. Повелѣніе было исполнено, и погибло *все живое*, за исключеніемъ лишь семи сыновей *нуми*, которыхъ онъ на это время взялъ къ себѣ на небо.

Во время наводненія—*нуми* *сынъ*, *любимый сынъ*, *продолжавшаяся* три дня, *когда торумъ* убралъ солнце, луну и звѣзды, чтобы сдѣлать полную темноту и лишить такимъ образомъ всѣхъ возможности спастись. Послѣ того какъ вода сбыла, *нуми* приступилъ къ творенію новыхъ существъ, такъ какъ онъ увидалъ, что никого нѣтъ на землѣ, которой необходимо

придать жизнь; въ то-же самое время, лишь только земля немного обсохла, *корет тоорум* нечаянно уронилъ свой поясъ, и изъ него произошелъ Уральскій Хребетъ. При этомъ надо оговориться, что нѣкоторые изъ раскацировъ утверждали, что до наводненія *нуми* былъ старикомъ и дѣтей не имѣлъ, но, вымывшись во время потопа, онъ сразу помолодѣлъ и сдѣлался затѣмъ отцомъ семи сыновей.

Приступивъ къ устройству живыхъ существъ, *нуми* прежде всего вырѣзалъ изъ лиственницы два бревна, придалъ имъ форму человѣка, и чтобы прикрѣпить голову, которая все падала на грудь, воткнулъ между грудью и шеей гвоздь и такимъ образомъ поднеръ ее; затѣмъ поставилъ на ноги спиной къ себѣ, дунулъ, и куклы ожили, свиснули, убѣжали въ лѣсъ и сдѣлались *мекоями*, т. е. лѣшими. Благодаря гвоздю, поднятому голову, они не могутъ смотрѣть внизъ, часто оступаются, падаютъ и при паденіи обыкновенно умираютъ, такъ какъ гвоздь попадетъ имъ въ голову.

Увидавъ *нуми*, что сдѣлалъ не хорошо, приступилъ второй разъ къ творенію, причемъ взялъ уже лиственичную серединку, сдѣлалъ изъ нея нѣчто вродѣ остова, которое затѣмъ одѣлъ лиственичными-же корнями, поставилъ лицемъ къ себѣ, дунулъ, они ожили, и такимъ образомъ появились первые люди, совершенно подобные теперешнимъ, только мохнатые. *Нуми* разрѣшилъ имъ ходить всюдѣ, гдѣ только имъ захочется; позволилъ ѣсть все, что они увидятъ, за исключеніемъ голубики *моква или ноа*; послѣ этого онъ поднялся на небо отдыхать отъ своихъ трудовъ.

Чрезъ нѣсколько времени захотѣлось ему посмотрѣть, что дѣлаютъ на землѣ новые ея поселенцы. Спустился внизъ, смотритъ вездѣ и нигдѣ ихъ не находитъ; кричитъ—никто не отзывается; наконецъ увидалъ ихъ спрятавшимися подъ кустами, велѣлъ выѣзть оттуда и къ своему удивленію увидалъ, что они потеряли всѣ свои волосы и стали голыми. Оказывается, что они не послушались повелѣнія *нуми*, поѣли запрещенныхъ ягодъ (принимали въ этомъ участіе *куль* или

мокомъ или *нѣтъ*—*пожилетво*). и волосы у нихъ всѣ выпѣли, и они стали зябнуть и прятаться въ кусты, хотя немного защищающіе отъ вліянія холода и сырости. Разсердился на нихъ богъ, сталъ имъ выговаривать. затѣмъ они ослушались его воли, а самъ думаетъ: «что-же мнѣ съ ними дѣлать? какъ они будутъ жить? вѣдь все равно зимою попрятутъ отъ холодовъ»; дунулъ на нихъ, и они разсыпались.

Приступилъ послѣ этого богъ въ третій разъ къ устройству людей: взялъ глыбку, слѣпилъ изъ него нѣчто вродѣ скелетовъ, обмазалъ глиною, поставилъ передъ собою, дунулъ на нихъ, и появились люди, положившіе начало человѣческому роду. Вмѣстѣ съ ними *мумы* сотворилъ изъ сосновыхъ сучьевъ оленей, рыбъ, птицъ и звѣрей; показалъ человѣку—маньи (остальныя народности—русскіе, зыряне, самоѣды и татары были созданы раньше, сейчасъ-же послѣ мокия передъ неудавшимися маньи, но какимъ образомъ, про то они ничего не знаютъ) всѣ рыболовные и звѣроловные снаряды, какъ ихъ дѣлать и какъ ими пользоваться; показалъ также устройство лодки, лыжъ, нарты и дома, однимъ словомъ, всего, что только полезно человѣку; затѣмъ указавъ на то, что у нихъ будутъ дѣти, онъ приказалъ ихъ пріучать къ охотѣ за звѣремъ, птицей и рыбой и передать затѣмъ все то, что *они слышали отъ него: послѣ этого онъ поднялся на небо* и сталъ отдыхать довольный теперь своимъ твореніемъ.

Кромѣ такого преданія о созданіи человѣка существуетъ и другое, въ которомъ слишкомъ замѣтны слѣды христіанства. Разсказываютъ, что мужъ и жена были созданы изъ глины, но жили прежде на небѣ; затѣмъ когда отъ нихъ пошло многочисленное потомство, богъ спустилъ ихъ на землю. Пожили они здѣсь, но затѣмъ имъ опять хотѣлось попасть на небо. Стали они проситься, но богъ ихъ не послушалъ; тогда они приступили къ постройкѣ большого дома и хотѣли его довести до неба, но богу это не понравилось, и когда они стали приближаться къ нему, то онъ толкнулъ ногой и все разсыпалось; при этомъ много народу погибло, а оста-

ніеся въ жизнихъ перестали понимать другъ друга, такъ какъ начали говорить на разныхъ языкахъ; съ этого времени и пошли разные народы: тогда-же богъ и велѣлъ людямъ, по *прошествіи нѣкотораго времени*, умирать и превращаться въ ту глину, изъ которой они созданы. Далѣе разсказываютъ еще такъ, что богъ, спустивши съ неба *мужа съ женой*, запретилъ имъ брать что-нибудь и класть себѣ въ ротъ. Они первое время исполняли приказаніе, но потомъ жена завела мужа въ лѣсъ и соблазнила его рябиной, поѣвши которую, они вдругъ почувствовали стыдъ, но ѣсть имъ вовсе не хотѣлось и *жили они другъ съ другомъ, какъ постороніе*. Богъ, желая провѣдать людей, спустился на землю, искалъ ихъ и не нашелъ сталъ кликать, откликнулись, говоря, что имъ совѣстно ему показаться. Догадался богъ, въ чемъ дѣло, сталъ имъ выговаривать и опредѣлилъ въ наказаніе испытывать *чувство голода и жажды*, имѣть потребность въ одеждѣ, въ бѣдныхъ рождать дѣтей и такъ-же умирать.

Созданный міръ не будетъ вѣчнымъ и онъ *кончится*, благодаря потопу, который произойдетъ отъ того, что *мыши*, желая сдѣлаться молодымъ (что ему разъ уже удалось, какъ о томъ было выше сказано), станетъ купаться; послѣ этого купанья вода превратится въ жидкую огненную массу, которая подымется до такой *высоты, что до неба останется* разстоянія не болѣе лебединой пѣси. За семь лѣтъ до наступленія этого, всѣ *куры* и *мышки* направятся въ подземное царство ввиду предстоящей имъ большой работы и по дорогѣ будутъ съѣдать всѣхъ попадающихся. За семь дней до потопа *будетъ постоянно слышаться* громъ и чувствоваться удушливый непріятный запахъ. Что же касается до него самого, то онъ будетъ продолжаться ровно столько, *сколько нужно* для сваренія икры, т. е. не болѣе одного часу; благодаря такой быстротѣ, люди почти всѣ погибнутъ; спасутся лишь тѣ, *которые* успѣли себѣ приготовить плоты изъ семи рядовъ осины (по другимъ—лиственницы), изъ которыхъ шесть сгорятъ, а седьмой останется. *На этихъ плотахъ должны быть*

шатры, сдѣланные изъ кожи оленьей и стеблей; и кромѣ того тутъ-же должны находиться канны, сплетенные изъ тальника и длиною не менѣе трехъ-сотъ саженей. Въ это время комары, мошки и муравьи достигнутъ величины соболя, будутъ виться вокругъ воды и будутъ умерщвлять тѣхъ, которые не позаботились приготовить себѣ плотный покровъ. Послѣ потопа воскреснутъ тѣ, которымъ больше срока пребыванія внизу тѣни мое, т. е. кто, напримѣръ, имѣлъ тридцать лѣтъ отъ роду, умеръ тридцать лѣтъ тому назадъ. Такимъ образомъ, весь міръ будетъ состоять изъ людей, спасшихся отъ потопа, и изъ окончившихъ свой срокъ. Тогда съ неба спустится *марс* и приступитъ къ суду; въ чемъ будетъ заключаться судъ и какова награда съ наказаніями, оскудѣющій грѣшниковъ и праведниковъ, точно неизвѣстно. Прожившіе житѣмъ еще столько же, сколько жили на землѣ, и оставшіеся въ живыхъ столько, сколько жили до потопа, всѣ обратятся снова въ *кэр домасъ*, а затѣмъ въ прахъ, что и будетъ служить указаніемъ на полное окончаніе міра.

Вотъ тѣ слѣды языческихъ вѣрованій, которые мнѣ удалось подмѣтить у манзовъ. При настоящихъ условіяхъ язычество для нихъ болѣе доступно и привлекательно, чѣмъ христіанство, котораго они, въ большинствѣ случаевъ, совершенно не понимаютъ: при жертвоприношеніяхъ, при гаданіяхъ, они сознаютъ, что дѣлается, они сроднились съ этимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ они являются почти такими же дѣйствующими лицами, какъ и шаманы, что для нихъ, конечно, опять таки служитъ завлекающимъ мотивомъ: при всѣхъ языческихъ обрядахъ они наѣдятся, напьются, наплящутся и напоются, такъ какъ при нихъ всегда бываетъ и пляска, и пѣніе; однимъ словомъ, эти обряды являются для нихъ не только средствомъ общенія съ богами, но и мѣстомъ развлеченія и наслажденія, чѣмъ, конечно, никогда не можетъ быть христіанство.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Примѣты и повѣрья.

1. Если во время пути готовить себѣ пищу, то, при уходѣ, обязательно сжигаютъ ту балку, на которой шесть котелъ, иначе у варившаго будетъ постоянно болѣть голова, будутъ лѣзть волосы и въ будущей жизни онъ будетъ испытывать только одни мученія.

2. При приготовленіи пищи въ дорогѣ, необходимо оставлять нѣсколько или, по крайней мѣрѣ, одно полѣно, иначе нечѣмъ будетъ грѣть ея тѣни умершаго, идущей въ подземное царство.

3. Женщины не могутъ ѣсть сердца, головы и груди медвѣдя,—недостаточно чисты для этого.

4. Женщины съ рѣки Сыгры не могутъ ѣсть мерлой щуки и мерлаго налима, а во время беременности и сыропъ все равно, будетъ-ли это лѣтомъ или зимой, такъ какъ отъ этого онѣ сами или ихъ дѣти будутъ хворать.

5. Среди животныхъ бываютъ чистыя и нечистыя; къ первымъ относятся *хули*-родъ *небольшой гагары и змѣя*; ко вторымъ—лягушка, ящерица и паукъ. *Хули* почитается за то, что она принимала участіе въ твореніи земли: когда суши еще не было и вода покрывала все существующее, тогда богъ *хоре-тэгумъ* велѣлъ ей нырнуть и захватить со дна земли; она это сдѣлала, и выпутая ею земля послужила *началомъ* твердаго пространства. Змѣю бить и ѣсть нельзя потому, что въ *нее иногда* входитъ богъ; отчасти по такой-же причинѣ нельзя ѣсть и нечистыхъ животныхъ—лягушку, ящерицу и паука: въ нихъ тоже не рѣдко входитъ, но только не богъ, а *мэнкэ*, который чрезъ нихъ можетъ попасть и въ человѣка. Когда у ящерицы отваливается хвостъ, то это служитъ

указаніемъ на то, что ее оставляетъ *мяхэ*; вотъ почему увидать отпаденіе этой части тѣла нехорошо, и оно часто предзнаменуетъ смерть кого-нибудь изъ близкихъ. Единственное средство избавиться отъ исполненія предзнаменованія—это поскорѣе убить подобную ящерицу тѣмъ болѣе, что это будетъ и богоугодное дѣло: ящерица часто смотритъ на солнце съ раскрытымъ ртомъ, желая его проглотить; желаніе это ей внушается дьяволомъ, и всякій долженъ воспрепятствовать его исполненію, такъ какъ солнце создано *хорэ-торумъ* и оно необходимо для всего живущаго. Если при варкѣ пищи въ котелъ попадетъ какое-нибудь изъ названныхъ нечистыхъ животныхъ, то содержимое котла выливается и выливается, а самъ онъ тщательно моется и даже иногда окуривается. За убіеніе трехъ, а еще лучше семи безхвостыхъ ящерицъ, прощается много грѣховъ.

6. Если огонь въ кострѣ или чувалѣ зашипитъ, то хозяинъ начинаетъ скрашивать, что ему надо, и если по близости есть гдѣ-нибудь шаманъ, то зоветъ его, а если нѣтъ, то приноситъ жертву самъ; также поступаютъ, если огонь, горѣвшій все время прямо, вдругъ наклонится въ сторону; если жертвы не принести, то можетъ случиться несчастіе.

7. Послѣ смерти кого-нибудь изъ близкихъ, необходимо принести въ жертву хотя-бы одного оленя, чтобы заткнуть дыру, чрезъ которую вынесли покойника, иначе опять кто-нибудь умретъ; по этой-же причинѣ покойника никогда не выносятъ чрезъ дверь, а всегда или чрезъ окно, или чрезъ нарочно сдѣланное отверстіе.

8. Сломанныхъ и остриженныхъ ногтей, а также и волосъ никогда не бросаютъ, а хранятъ гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ; ногти кладутъ себѣ большею частью за пазуху (если они оттуда выпадаютъ, то на это вниманія уже не обращаютъ). Дѣлаютъ это потому, что, по мнѣнію инородцевъ, тѣнямъ въ подземномъ царствѣ приходится карабкаться на высокія горы и переходить чрезъ огненные потоки; поэтому первой по смерти весной, когда прилетаютъ чирки, выры-

ваютъ у нихъ два хвостовыхъ пера и вмѣстѣ съ волосами и ногтями сжигаютъ; тогда эти волосы съ ногтями и перьями дадутъ тѣни возможность благополучно добраться до подземнаго царства, не взирая ни на огненные потоки, ни на высокія горы.

9. Если при себѣ имѣть мордочку лисицы, соболя или горностая, то все будетъ удаваться.

10. Если на поясѣ носить медвѣжій клыкъ, то не будетъ болѣть спина.

11. Если мущина пройдетъ какъ-нибудь нечаянно подъ какой-нибудь принадлежностью женскаго костюма или подъ самой женщиной, сидящей, напримѣръ, въ амбарѣ, то ему необходимо надо быть окуреннымъ бобровой струей, или чѣмъ-нибудь другимъ, такъ какъ онъ осквернился; вотъ почему женскія вещи никогда не висятъ при входѣ въ жилье; точно также необходимо мущину окурить, если онъ дотронулся, а тѣмъ болѣе если имѣлъ сношеніе съ женщиной, у которой мѣсячное очищеніе.

12. Женщины не могутъ сидѣть, лежать и спать въ переднемъ углу, иначе хозяину дома во всемъ будетъ неудача; точно также не могутъ тамъ лежать и женскія вещи.

13. Если женщина хорошо одѣта, то про нее говорятъ: *най ява*-богиня и желаютъ ей быть постоянно такой.

14. Если хотятъ высказать пожеланіе, чтобы какая-нибудь вещь служила долго, то говорятъ: «пусть она живетъ *халмолась нотъ* или *халмолась сӱнсы емщ*-человѣческій вѣкъ».

15. Если гость отсидитъ себѣ ногу, то это означаетъ, что ему придется опять быть скоро въ гостяхъ у того-же хозяина.

16. Если звѣзда падаетъ на востокъ, то это указываетъ на то, что человѣкъ родился; если на западъ, что умеръ.

17. Если въ теченіе теплаго времени бываетъ сѣверное сіяніе-*торума най тэ́хъ*, *сизь най тэ́хъ*, то это указываетъ на скорое наступленіе холодовъ.

18. Если рыть очень глубокую яму, то можно докопаться до подземнаго царства, такъ какъ оно не очень далеко: вотъ

почему золотопромышленники при своихъ работахъ иногда доходятъ до такого мѣста, что снизу начинаетъ дуть вѣтеръ; это уже служитъ указаніемъ, что имъ осталось до подземнаго царства еще немного; но избѣжаніе несчастія необходимо имъ немедленно зарыть.

19. Если съ мущиной или женщиной на открытомъ воздухѣ или въ жилищѣ сдѣлается обморокъ или припадокъ, то это объясняютъ такъ: у *нуми торума* есть золотой посохъ, который онъ постоянно держитъ въ сосудѣ съ живой водой-*лилимъ нитъ*; если онъ увидитъ гдѣ-нибудь грѣшнаго человѣка, то начинаетъ волновать воду и тотъ человѣкъ, на котораго онъ посмотрѣлъ, немедленно падаетъ. Къ такого рода людямъ инородцы относятся совершенно спокойно и говорятъ, что если-бы *нуми-торумъ* всѣхъ судилъ строго, то тогда не осталось-бы ни одного человѣка. Про такіе припадки говорятъ: «*Нумыль натвесь*-сверху ударилъ (т. е. *нуми торумъ*)».

20. Олень и заяцъ родные братья, такъ какъ и тотъ, и другой ѣдятъ оленій мохъ.

21. Сперва лось жилъ на небѣ и у него было шесть ногъ; благодаря этому, его никто не могъ догнать. Онъ этимъ возгордился и сталъ хвастаться; тогда *нуми* послалъ одного изъ богатырей *мось-хумъ* его наказать за хвастовство. *Мось хумъ* погналъ его по всему небу, догналъ, отрубилъ двѣ задніи ноги и сбросилъ на землю; съ этихъ поръ у лося и стало четыре ноги, и онъ сдѣлался обычной добычей человѣка; воспоминаніе-же о шестиногомъ лосѣ на небѣ осталось видѣ большой медвѣдицы; путь по которому *мось хумъ* гналъ лося, называется *мось хумъ ёлг лонха* и есть ничто иное, какъ млечный путь.

22. Лебедь былъ когда-то человѣкомъ, но затѣмъ, во время постоянныхъ дракъ, бывшихъ прежде, онъ сталъ просить *нуми* превратить его въ птицу; желаніе это было исполнено и тогда появился лебедь; доказательствомъ его человѣческаго происхожденія служитъ то, что у него, какъ и у женщины, существуетъ мѣсячное очищеніе.

23. Царемъ птицъ прежде былъ сдѣлянъ *мірь сусе-хума* лебедь, а княземъ—орелъ: но затѣмъ на мѣсто перваго онъ поставилъ журавля, такъ какъ лебедь не умѣетъ во время кричать: весною начинаетъ очень рано, а осенью перестаетъ очень поздно; поэтому остальная птица не знаетъ точно времени прилета и отлета и нерѣдко вслѣдствіе этого погибаетъ.

24. О происхожденіи медвѣдя, кромѣ того, что онъ спущенъ съ неба, говорятъ также, что у одной женщины былъ сынъ, который ея ни въ чемъ не слушался; тогда она его проклята, онъ убѣжалъ въ лѣсъ и превратился въ медвѣдя.

25. По другому преданію, собака и медвѣдь прежде были на небѣ; когда *нуми* ихъ спускалъ и хотѣлъ собакѣ дать лукъ со стрѣлами, чтобы она лучше могла помогать человѣку при его охотѣ, то медвѣдь напросилъ себѣ пятый палецъ, при помощи котораго онъ могъбы спасаться отъ вооруженной такимъ образомъ собаки; тогда *нуми* рѣшилъ оставить ихъ по прежнему и на прощаньѣ сказалъ собакѣ, что она будетъ ѣсть вмѣстѣ съ человѣкомъ. Она этого не разслышала, обернулась и спросила: «что»? *нуми* повторилъ еще разъ, опять собака не поняла; тогда, разсердясь, онъ ей сказалъ: «Ты ничего не слышишь, съ этихъ поръ ты будешь ѣсть то-же самое, что и человѣкъ, но только не вмѣстѣ съ нимъ. Слушай». Съ этихъ поръ собака постоянно прислушивается, но измѣнить своей судьбы уже не можетъ.

26. По мнѣнію Маньзовъ, огонь-*най*—женщина, а водяной—мущина; у огня есть покровители-*нимы одыр*, которыми считаются *кэрэ торума*, *нуми-торума*, его семь сыновей и *сялэмъ торума*; если очагъ содержится неопрятно, то *най* недовольна; если огонь потухаетъ, то это только видимо, такъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ вѣченъ.

27. По мнѣнію маньзовъ, солнце—женщина, а мѣсяцъ и заря—мущины; когда солнце заходитъ, то говорятъ, что оно уходитъ спать; когда отъ него по небу идутъ полосы, то это указываетъ на то, что оно чешетъ себѣ косы.

28. Относительно зари существуетъ такое преданіе: нѣ. сколько выше Половожскихъ юртъ былъ городокъ, въ которомъ жилъ старикъ-богатырь съ четырьмя племянниками. Пошли разъ они всѣ воевать за Уралъ; много достали добычи, но за то одного изъ нихъ убили. По возвращеніи сынъ убитаго, остававшійся дома стеречь имущество, сталъ убѣждать всѣхъ идти назадъ мстить за смерть его отца; уговорилъ онъ ихъ, пошли и лишь только перевалили Уралъ, какъ онъ сталъ истреблять рѣшительно все живое—не только людей, но и звѣрей, и птицъ, и рыбъ; даже родные стали его уговаривать, а онъ продолжаетъ свое. Тогда его оставили одного; онъ на это не обратилъ вниманія и пошелъ дальше, продолжая по прежнему все истреблять. Вдругъ онъ видитъ, что ему на встрѣчу идетъ какой-то старикъ, ростомъ выше лѣсу и съ головой больше орлинаго гнѣзда; не испугался онъ, пошелъ на встрѣчу, хочетъ ударить его, а не можетъ: лишь только замахнется, а тотъ какъ-то незамѣтно и отойдетъ; наконецъ, встрѣчный старикъ и говоритъ: «Полно, перестань, не старайся напрасно: я съ неба. Неужели тебѣ мало тѣхъ людей, которыхъ ты истребилъ»?—«Конечно, мало—мнѣ еще надо». Вырвалъ онъ послѣ этого лиственницу, взвалилъ ее себѣ на плечи и пошелъ туда, гдѣ увидалъ находится много народу; подошелъ, набросился на народъ и сталъ его бить своей лиственницей направо и налѣво; перебилъ много, а народу все не уменьшается потому, что *нуми* распорядился, чтобы два небесныхъ кузнеца ковали желѣзную полосу, а два плотника—стругали деревянную и чтобы изъ искръ и и изъ стружекъ дѣлались люди. Бьетъ онъ день, бьетъ другой, третій и все не устаетъ, тогда *нуми* самъ спустился на землю, дунулъ на него и полетѣлъ онъ на небо, гдѣ и превратился въ зарю, а такъ какъ онъ былъ весь въ крови, то поэтому и заря всегда бываетъ красная.

Сдѣлалъ это *нуми* и говоритъ: «Такъ поступать нельзя, иначе у меня на землѣ людей не будетъ и мнѣ опять творить придется».

29. Маньзы думаютъ, что въ сумасшедшихъ поселяется *куль*, который помогаетъ имъ и въ случаѣ необходимости защищаетъ ихъ; такъ разсказываютъ, напримѣръ, про одну сумасшедшую, что она каждое утро садилась въ лодку, переправлялась безъ веселъ, не смотря на сильное теченіе, на другую сторону и тамъ приготовляла себѣ, при помощи *куля*, кушанье изъ листьевъ и земли, чѣмъ обыкновенно и питалась; вслѣдствіе такого взгляда къ нимъ относятся съ уваженіемъ и съ нѣкоторой долей страха и никогда ихъ не обижаютъ и не оскорбляютъ.

Примѣтамъ своимъ маньзы вѣрятъ тѣмъ болѣе, что иногда они находятъ подтвержденіе своимъ предположеніямъ, на что лучше всего можетъ указывать слѣдующій случай.

Верстъ пятнадцать ниже Югримскихъ юртъ на правой сторонѣ Сѣверной Сосьвы есть озеро, на которомъ находится островъ *усъ сяхыль*; по серединѣ острова высохшій пень кедра, около котораго въ давно минувшія времена нашли будто-бы богатырскую саблю и цѣлый рядъ небольшихъ каменныхъ дисковъ, употребляемыхъ богатырями вмѣсто пращи. Маньзы разсказываютъ, что отъ стариковъ еще идетъ преданіе, по которому, какъ только кедръ засохнетъ и какъ только на его корняхъ появится другое растеніе, немедленно придутъ русскіе и завладѣютъ какъ озеромъ, такъ и островомъ. И дѣйствительно, надо было такъ случиться, что лишь только кедръ засохъ и на его корняхъ появились разные кустарники, островомъ и озеромъ завладѣлъ одинъ изъ Сартыньинскихъ русскихъ обитателей. По разсказамъ, богатырь, жившій здѣсь прежде въ большомъ лиственичномъ и кедровомъ домѣ, отъ котораго теперь остались лишь гнилые столбы, поселился теперь въ озерѣ, въ одномъ укромномъ мѣстѣ, мимо котораго инородцы ѣздить не рискуютъ; про рыбную же ловлю и говорить нечего; даже, не смотря на жажду, воды не пьютъ изъ его мѣстопребыванія; говорятъ, что и русскіе не могутъ безопасно тамъ ѣздить, такъ какъ всегда случается какое-нибудь несчастіе: то лодка потечетъ, то весло сломается, то парусъ разорвется.

II.

Объясненіе сновидѣній.

1. Увидать во снѣ медвѣди—къ морозу.

2. Увидать во снѣ оленя—къ снѣгу и сильному вѣтру.

3. Увидать во снѣ кусающую или лягающую лошадь—къ болѣзни собственной или кого-нибудь изъ близкихъ.

4. Увидать во снѣ рыбу—къ снѣгу или дождю.

5. Увидать во снѣ *капитана* (окружнаго исправника), *комиссара* (засѣдатель) и *попруся* (писарь)—къ убыли.

6. Увидать родственниковъ или близкихъ знакомыхъ, живущихъ далеко—къ ихъ болѣзни или смерти.

7. Увидать умершихъ отца съ матерью—къ смерти кого-нибудь изъ рода.

8. Увидать свою нарту полуразрушенной—къ смерти кого-нибудь изъ рода.

9. Увидать лодку, полную муки—къ удачной охотѣ и вообще къ прибыли.

10. Увидать во снѣ голаго—къ хорошей ловлѣ рыбы.

11. Видѣть себя пьянымъ—къ болѣзни.

12. Класть во снѣ муку въ амбаръ — къ удачной рыбной ловлѣ.

13. Видѣть мѣдныя деньги — къ болѣзни и къ неудачѣ.

14. Видѣть священника—къ болѣзни.

15. Если во снѣ падаетъ зубъ безъ крови, то къ удачѣ; если съ кровью, то къ смерти — или собственной, или кого-нибудь изъ близкихъ.

16. Если во снѣ ходишь по водѣ, какъ по льду, то это — къ долгой жизни.

17. Когда во снѣ летаешь, какъ-бы на крыльяхъ, то будешь долго жить.

18. Когда во снѣ падаешь, то скоро умрешь.

19. Ѣхать во снѣ внизъ по Оби—къ скорой смерти.

20. Если во снѣ кусаетъ собака—то скоро захвораешь.

21. Убить во снѣ лебедя или вообще птицу съ какимъ-нибудь звѣремъ—къ удачной охотѣ.

22. Увидать себя или кого-нибудь другого въ дурной одеждѣ—хорошо; въ хорошей —плохо.

23. Увидать во снѣ горящимъ чье-нибудь жилье, къ смерти того, кому оно принадлежитъ.

Относительно сновъ вообще надо сказать, что вѣры имъ большой не придаютъ и говорятъ, что они служатъ указаніемъ на какую-нибудь болѣзнь или безпокойство; если крѣпко спать, то и сновъ не видать; чаще всего видятъ сны женщины, затѣмъ мущины, дѣти и, наконецъ, старики, которымъ вообще мало что снится. Иногда во время сна говорятъ, но и на это вниманія обыкновенно не обращаютъ.

Культъ медвѣдя у инородцевъ Сѣверо-Западной Сибири.

Едва-ли не самымъ важнымъ событіемъ въ жизни инородца Сѣверо-Западной Сибири является охота на медвѣдя, особенно, если она кончается удачно, что бываетъ почти всегда. Охота эта важна не только, какъ доставляющая шкуру и мясо звѣря, но, главнымъ образомъ, по тѣмъ вѣрованіямъ и по тѣмъ обрядамъ, которые ее сопровождаютъ. Убить медвѣдя для инородца не барышъ, хотя его шкура и цѣнится отъ трехъ до десяти рублей. Напротивъ,—удачная охота часто разоряетъ его, по крайней мѣрѣ, на цѣлый годъ, такъ какъ на угощеніяхъ, сопровождающихъ *эту охоту, обязательно* должно предлагаться гостямъ, не рѣдко съѣзжающимся за десятки и за сотни верстъ, все лучшее изъ приготовленныхъ запасовъ; и случается, что запасливый хозяинъ, заготовивній себѣ съ осени на цѣлую зиму и весну всевозможныхъ припасовъ, съѣдаетъ ихъ всѣ въ двѣ-три удачныхъ медвѣжьи охоты.

Не смотря на это, убить медвѣдя никто не прочь — это считается удальствомъ и честью; только не надо оскорблять тѣни убитаго звѣря, иначе плохо придется бѣдному охотнику: обрушится на него рядъ несчастій, да и въ другой разъ не сдоброватъ ему, а погибнуть подъ зубами и когтями раздраженнаго звѣря.

Главная охота на медвѣдей происходитъ осенью, когда ихъ мясо и шкура наиболѣе цѣнны; но и въ другое время, даже весною и лѣтомъ, нерѣдко бываютъ такія охоты за хо-

зимнюю земляного дома — не коль ойки, какъ зовутъ тамъ медвѣди.

Нарочно медвѣди не ищутъ, даже если находятъ его слѣды, то уходятъ, не разыскивая берлоги, иначе охотника постигнетъ несчастіе; но если онъ или его собака найдутъ самую берлогу, то смерть медвѣдя уже рѣшена. Если напередній не рискуетъ почему-либо идти одинъ на одинъ на медвѣдя, то сообщаетъ о своей находкѣ двумъ, тремъ знакомымъ съ просьбою помочь ему,—другимъ-же о своей находкѣ не говоритъ и не потому, чтобы боялся, что звѣря у него кто-нибудь перехватитъ; нѣтъ, этого никогда не бываетъ: охотничьи права вообще на звѣря, птицу и рыбу, а тѣмъ болѣе на медвѣдя, считаются священными, а просто изъ боязни, что тогда медвѣдь узнаетъ о готовящейся ему опасности и найдетъ средства ея избѣжать. Если найденный медвѣдь, лежитъ въ берлогѣ, то ее осторожно обкладываютъ со всѣхъ сторонъ деревьями, чтобы отнять у него всякую возможность выйти оттуда, оставляютъ лишь одно небольшое отверстіе, чрезъ которое и убиваютъ его, стрѣляя нѣсколько разъ изъ ружья или изъ лука; если-же онъ вышелъ изъ берлоги, то его подкарауливаютъ въ ея окрестностяхъ, искусно скрываясь за деревьями и кустами; подпускаютъ его менѣе, чѣмъ на десять шаговъ и стрѣляютъ обыкновенно или въ сердце, или въ глазъ; иногда благодаря плохимъ ружьямъ, до сихъ поръ еще кремневымъ, и сырой погодѣ, происходитъ осѣчка и тогда охотнику волей-неволей приходится браться за ножъ, неизмѣнный спутникъ не только мущины, но и женщины въ той мѣстности, и, закрывши немного лѣвой рукой голову, бросаться на медвѣдя; обыкновенно, прежде чѣмъ тотъ успѣетъ принять какія нибудь мѣры предосторожности, онъ уже лежитъ съ распоротымъ брюхомъ; правда, бываютъ случаи, когда или нога поскользнется, или ножъ сорвется и тогда приходится охотнику испытывать на себѣ силу и крѣпость медвѣжьихъ зубовъ съ когтями, но и тутъ дѣло до смерти обыкновенно не доходитъ: охотникъ успѣетъ выбрать удобный моментъ и всадить медвѣдю ножъ.

Когда медвѣдь убитъ, то, если онъ лежитъ въ берлогѣ, его вытаскиваютъ оттуда, закидывая обязательно арканъ на шею, и начинаютъ съ цѣлью взаимнаго очищенія бросаться снѣгомъ, лѣтомъ-же и вообще въ теплое время мохомъ и землею; затѣмъ приступаютъ уже къ снятію шкуры, для чего предварительно на грудь и брюхо медвѣдя кладутъ пять или четыре (если убитая-самка) поперечныя палочки, означающія застёжки кухлянки, верхней одежды, дѣлаемой изъ оленьихъ шкуръ шерстью къ верху, иногда съ подкладкой изъ какихъ-нибудь звѣриныхъ или птичьихъ шкурокъ, или безъ нея; разрѣзавши эти палочки, какъ-бы развязавъ застежки, сдираютъ кожу со всего тѣла, за исключеніемъ головы и переднихъ лапъ, гдѣ оставляютъ ее съ конца пальцевъ до кистевыхъ сгибовъ. Затѣмъ шкуру и мясо несутъ или везутъ (зависитъ отъ разстоянія) въ домъ, подходя къ которому начинаютъ дѣлать быстрыя движенія и кричать—«*сели, олюлюлю охооо...*» (что это означаетъ рѣшительно никто не могъ объяснить, говоря, что старики такъ кричали и имъ дѣлать тоже велѣли). Принесенное вносится въ домъ наиболѣе зажиточнаго изъ участниковъ охоты, чтобы онъ могъ устроить лучшее угощеніе по убитомъ звѣрѣ и дать ему болѣе удобное помѣщеніе. Женщины тотчасъ-же приступаютъ къ устройству въ переднемъ углу, въ наиболѣе почетномъ мѣстѣ, помѣщенія для убитаго; для этого берется скамейка, столъ или просто очищается на нарахъ мѣсто, достаточное для шкуры, и ее кладутъ туда, подложивши предварительно три, если самецъ, и двѣ, если самка, деревянныхъ перекладины; морда располагается между лапъ и передъ ней ставится нѣсколько оленьихъ изображеній, сдѣланныхъ изъ хлѣба или бересты; на глаза прикрѣпляются серебряныя монеты, на конецъ морды надѣвается берестяной кружокъ и на пальцы, если убитая-самка, кольца; монеты и намордникъ надѣваются потому, что женщины не могутъ недостойны смотрѣть медвѣдю въ глаза и цѣловать его въ губы, что продѣлывается мущинами; поэтому-же женщины закрываютъ свои лица платками, когда видятъ медвѣдя; при внесѣ медвѣдя въ

живище подъ порогъ обыкновенно кладется топоръ. Послѣ этого приступаютъ къ приготовленію всего необходимаго для празднества, которое совершается всегда по ночамъ, такъ какъ боги преимущественно въ это время посѣщаютъ землю и такимъ образомъ они могутъ видѣть, какъ почитается ихъ убитаго звѣря; всѣ почести, воздаваемыя шкурѣ, имѣютъ своимъ назначеніемъ медвѣжьихъ боговъ. Приготовленія эти довольно просты: очищается мѣсто въ жилѣ, все лишнее выносится, достается изъ запасовъ рыба и мясо, если есть, водка и табакъ, и разными путями даютъ сосѣдямъ знать о счастливой охотѣ. Всѣ, кто только можетъ, пріѣзжаютъ, причемъ совершенно не обращается никакого вниманія на то, былъ-ли пріѣхавшій приглашенъ или нѣтъ. Празднества продолжаются не менѣе трехъ дней, если убитый—молодой медвѣдь; четырехъ—если самка, и пяти — если самецъ; но это только *не менѣе*; что-же касается до *болѣе*, то это вполнѣ зависитъ отъ богатства охотниковъ и отъ времени убіенія: если осенью, когда запасовъ еще много, то нерѣдко празднуютъ до двѣнадцати ночей; если-же весною, когда приближается обыкновенное голодное время, то ограничивается только положеннымъ срокомъ; если у хозяина дома не хватаетъ подъ конецъ запасовъ, то къ нему на помощь являются сосѣди, которые приносятъ то, что у каждаго есть, причемъ отдачи въ такихъ случаяхъ не бываетъ; иногда шкура переносится въ другой домъ даже неучастника охоты, если только онъ человѣкъ со средствами и можетъ достойно отпраздновать оказанную ему честь.

Къ первой ночи, когда еще не всѣ знаютъ о случившемся, съѣзжаются обыкновенно немногіе; но затѣмъ, когда слухъ объ удачной охотѣ разойдется на большое пространство, то соберется до шестидесяти, до ста человѣкъ, что при тѣхъ громадныхъ разстояніяхъ и при той рѣдкости населенія, которая замѣчается тамъ, представляетъ уже сборище громадное. Меня всегда удивляла та быстрота, съ которой распространяются тамъ невозможные слухи, что зависитъ отъ сильнаго

расположенія и любви инородцевъ ко всѣмъ новостямъ и сходбищамъ, а также и отъ того, что проѣхать въ одинъ день верстъ 150—200 инородцу, имѣющему своихъ оленей, ничего не стоитъ.

Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему описанію чествованія медвѣдя, необходимо оговориться, что теперь, при увеличивающемся съ каждымъ годомъ обрусѣніи мѣстныхъ жителей, прежніе обряды и вѣрованія забываются настолько, что въ настоящее время почти невозможно встрѣтить человѣка, вполнѣ знающаго всѣ эти обряды, соединенные съ празднествами въ честь медвѣдя; забываются они на столько, что даже сами инородцы это сознаютъ и иногда выписываютъ какого-нибудь старика за двѣ—три сотни верстъ, разъ онъ знаетъ всѣ пѣсни и представленія, безъ которыхъ праздникъ не въ праздникъ и о которыхъ рѣчь будетъ дальше. Особенно сильно все забыто остяками—жителями главнаго теченія Оби; почти все, здѣсь описанное, составлено, главнымъ образомъ, на основаніи видѣннаго у маньзовъ и у нѣкоторыхъ остяковъ, *живущихъ по мелкимъ рѣчкамъ, входящимъ въ систему рѣки* Оби; что-же касается до самоѣдовъ, то вслѣдствіе еще большей разрозненности, которая существуетъ между ними, благодаря, преимущественно, разстояніямъ, коллективныя празднества у нихъ устраиваются *очень рѣдко. Тѣмъ не менѣе* они также смотрятъ на бѣлаго медвѣдя, чаще встрѣчаемаго въ ихъ владѣніяхъ, сравнительно съ бурымъ, какъ на посланника съ неба, тѣмъ болѣе достойнаго всякаго почтенія, что онъ познакомилъ людей съ полученіемъ и съ употребленіемъ огня — взглядъ, существующій точно также и у маньзовъ съ остяками.

Наконецъ, все готово, наступаютъ сумерки, гости понемногу сходятся и съѣзжаются, начинается оживленіе, которое, увеличиваясь все болѣе и болѣе, къ концу ночи достигаетъ своего предѣла. Охотникъ, убившій медвѣдя, сидитъ у него по правой сторонѣ и лѣвую руку держитъ у него на шеѣ; по лѣвой сидятъ играющіе на *сингальдинѣ*—музыкальномъ инстру-

ментѣ, имѣющемъ видъ длиннаго, узкаго ящика, снабженнаго пятью струнами, большею частью, изъ оленьихъ жилъ; при игрѣ инструментъ кладутъ на колѣни и начинаютъ перебирать струны сразу двумя руками, причемъ звукъ получается въ высшей степени мягкій и мелодичный; онъ пользуется большимъ распространеніемъ и, главнымъ образомъ, встрѣчается на притокахъ средняго теченія Оби; дѣлается, преимущественно, изъ ели. Всякаго, въ первый разъ входящаго въ домъ, гдѣ лежитъ медвѣжья шкура, обливаютъ немного водой или осыпаютъ снѣгомъ; дѣлается это, понятно, съ цѣлью очищенія, такъ какъ всѣ обряды носятъ на себѣ характеръ религіозный. Всѣ празднества заключаются въ пѣніи, плескѣ, представленіяхъ и угощеніяхъ между ними, когда обязательно пляшутъ. Присутствуя въ первый разъ на этихъ ночахъ, я былъ въ высшей степени пораженъ, когда увидалъ нѣчто вродѣ представленій, состоящихъ изъ отдѣльныхъ сценъ самаго разнообразнаго характера, носящихъ иногда, съ точки зрѣнія европейца, въ высшей степени непристойный оттѣнокъ, но за то не рѣдко полныхъ комизма или драматизма. Представляютъ всегда мущины; если надо изображать женщину, то они надѣваютъ женскій костюмъ и стараются, по мѣрѣ возможности, подражать женщинѣ въ походкѣ, въ голосѣ и въ движеніяхъ; число участвующихъ рѣдко бываетъ болѣе трехъ; они всегда надѣваютъ на лицо маски, преимущественно берестяныя и рѣдко деревянныя, большею частью довольно уродливой формы; на этихъ маскахъ красной краской—*жэриз*—или котельной сажей дѣлаются брови, усы и борода; иногда къ носу или къ подбородку подвязываются какіе-нибудь кружечки и треугольники, и т. д., причемъ носы дѣлаются обыкновенно самой уродливой формы; назначеніе масокъ скрывать лица играющихъ отъ медвѣдя и отъ зрителей, потому что хотя медвѣдь и любитъ увеселенія, но не любитъ нахальства и поэтому плясать и въ то-же время смотрѣть ему въ глаза нельзя; что же касается до такого отношенія къ зрителямъ, то, быть можетъ, оно вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что

играющіе часто позволяютъ себѣ высказывать своему начальству, особенно родовому, довольно ѣдкую правду и сердиться за это, по обычаю, нельзя. Костюмы надѣваютъ обыкновенные, только нѣсколько измѣненные— вывернутые, съ придѣланнымъ горбомъ, и т. д.; говорятъ при этомъ обыкновенно не своимъ голосомъ и хотя всѣ присутствующіе, по крайней мѣрѣ, теперь, отлично знаютъ, кто играетъ и кто какъ одѣтъ, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ называть участвующихъ ихъ обыкновенными именами, а какими-нибудь вымышленными; даже участники, по отношенію другъ къ другу, должны строго это соблюдать. Говорить и дѣлать имъ разрѣшается положительно все: ихъ личность на время представленій забывается и даже не вспоминается послѣ; остается только слава хорошаго актера, и эта свобода доходитъ до того, что какой-нибудь родовой старшина, который строго наказалъ-бы въ иное время человѣка, осмѣливающагося указывать на его поборы и неправильныя дѣянія, теперь долженъ на ряду со всѣми выслушивать всѣ насмѣшки и нападки, иногда въ высшей степени мѣткія, не смѣя ничѣмъ ихъ остановить; и это обстоятельство заставляетъ еще болѣе всѣхъ стремиться на эти празднества, потому что по своей природѣ нѣкоторые изъ инородцевъ сѣверо-западной Сибири, особенно манзы, въ высшей степени народъ насмѣшливый.

Всякая ночь начинается съ пѣнія: обыкновенно трое мущинъ въ шапкахъ или, вообще, имѣя голову чѣмъ-нибудь покрытой, становятся передъ медвѣдемъ, предварительно отвѣсивши ему низкій поклонъ, берутся мизинцами за руки, и размахивая ими все время, начинаютъ пѣть. При окончаніи каждой пѣсни одинъ изъ почетныхъ гостей, сидящій по лѣвой рукѣ отъ медвѣдя, или звонитъ въ обыкновенный колоколецъ, или ударяетъ палкой въ металлическую доску, послѣ чего дѣлается короткій промежутокъ для отдохновенія пѣвцовъ и затѣмъ начинаютъ вторую пѣснь, послѣ—третью; если убитый медвѣдь самецъ, то иногда поютъ до пяти пѣсенъ, при самкѣ до четырехъ, а при маленькомъ иногда ограничиваются

и двумя, хотя обыкновенно бываютъ три. Пѣснями оканчивается первая половина ночи, послѣ чего начинается вторая, состоящая только изъ представленія отдѣльныхъ сценъ, раздѣленныхъ между собою большею частью плясками; между первой и второй половиной обыкновенно происходитъ угощеніе гостепріимнымъ хозяиномъ всѣхъ присутствующихъ. Во время пѣнія музыки не бываетъ, всѣ молчатъ и съ глубокимъ вниманіемъ слушаютъ пѣсни; поютъ безъ масокъ и безъ костюмовъ; поющіе иногда мѣняются мѣстами, такъ какъ поетъ, главнымъ образомъ, только стоящій въ серединѣ, а остальные ему подтягиваютъ; когда средній устаетъ, то его замѣняетъ или одинъ изъ крайнихъ, или кто-нибудь изъ присутствующихъ. Мотивъ пѣсенъ довольно разнообразный: то живой, то медленный, то страстный, то монотонный, то веселый, то грустный; послѣ послѣдней пѣсни пѣвцы иногда сами тотчасъ-же начинаютъ плясать, только подъ музыку, и въ обѣ руки берутъ по платку, которыми постоянно машутъ. Сюжеты пѣсенъ различны: поютъ про медвѣдя, какъ онъ гулялъ по лѣсу, какъ напалъ себѣ подругу, какъ сдѣлалъ берлогу; поютъ про его прежнюю жизнь на небѣ и на землѣ; поютъ про богатырей и прежнее славное время, когда не было прихельцевъ и всего было вдоволь—и пѣвря, и птицы, и рыбы; поютъ про боговъ, про ихъ любовь и ненависть другъ къ другу и про ихъ отношенія къ людямъ. Пляски, бывающія между пѣснями, приправливаются болѣе или менѣе къ ихъ содержанію: если поютъ про медвѣдя, то подражаютъ ему, если про *моляжа*, то имъ, дѣлая сильныя тѣлодвиженія, съ присвистомъ, топотомъ, какъ обыкновенно, по мнѣнію инородцевъ, дѣлаютъ лѣсныя божества. При началѣ и окончаніи каждой пляски, пѣсни и представленія всегда отдаютъ низкій поклонъ медвѣдю, какъ и при входѣ въ жилье, гдѣ лежитъ его шкура; всякій вновь пришедшій цѣлуетъ его, мущины прямо въ морду, а женщины чрезъ платокъ, несмотря даже на прикрѣпленный берестяной кружокъ. Между отдѣльными сценами пляшутъ не только мущины, но и женщины съ дѣтьми, причемъ только онѣ не-

гда закрываютъ лицо платкомъ, а руки втягиваютъ въ рукава, чтобы не показывать медвѣдю голаго тѣла; во время пляски руки у женщинъ всегда бываютъ согнуты въ локтяхъ и немного приподняты пальцами кверху; онѣ ихъ поднимаютъ и опускаютъ въ такъ музыкѣ. Послѣ всякой сцены представляющіе немного пляшутъ, но затѣмъ ихъ замѣняютъ другіе. Во время празднованія убитій медвѣдя выходитъ иногда изъ жилья, беретъ лукъ и, повернувшись къ дому задомъ, стрѣляетъ и смотритъ, куда попадетъ стрѣла: если въ самое верхнее бревно, то это означаетъ, что онъ еще убьетъ въ этомъ году одного медвѣдя; если въ одно изъ нижнихъ, то такого случая ждать ему придется долго; вообще, въ какое бревно сверху онъ попадетъ, чрезъ столько лѣтъ и звѣрь будетъ *убитъ; тоже самое узнаютъ также* въ послѣднюю ночь, когда выносятъ медвѣжью шкуру: для этого при выносѣ медвѣдя убившій его спрашиваетъ вслухъ, а большею частью на ухо, скоро-ли будетъ опять убитъ медвѣдь и кто изъ присутствующихъ его добудетъ, при чемъ называетъ присутствующихъ; если скажетъ вѣрно, то шкура подымется съ мѣста легко, если нѣтъ, то тяжело; иногда съ тою же цѣлью кто-нибудь изъ участвующихъ въ плескѣ стрѣляетъ изъ лука и если попадаетъ, не цѣлясь, въ щель, то значитъ, что въ той-же избѣ скоро будетъ происходить новое празднество. Въ послѣднюю ночь на разсвѣтѣ шкуру выносятъ въ поле, при чемъ какъ во время пути, такъ и на мѣстѣ, бросаются снѣгомъ и борются другъ съ другомъ; женщины въ поле не выходятъ, только при выносѣ шкуры онѣ бросаются снѣгомъ и обливаются водой, затѣмъ начинаютъ варить себѣ медвѣжій задъ, предоставляемый въ ихъ распоряженіе; мущины же въ полѣ готовятъ себѣ голову, сердце и лапы, остальное мясо съѣдается раньше во время представленій. Послѣ ѣды медвѣжьяго мяса обыкновенно вытираютъ себѣ губы и руки деревянными стружками—*оопланъ*, предварительно подержанными въ дыму, которыя затѣмъ бросаютъ въ огонь, куда бросаютъ также и все то, что остается послѣ медвѣдя, чтобы оно не попало соба-

камъ или птицамъ (деньги, закрывающія глаза, беретъ себѣ хозяинъ дома). При сдираніи шкуры, при варкѣ мяса—кости никогда не раздробляются, а всегда разъединяются по суставамъ. Когда въ послѣднюю ночь при вносѣ шкуры въ тундру или лѣсъ, варятъ голову, то черепъ вѣшаютъ куда-нибудь на близъ стоящее дерево, въ полной увѣренности, что медвѣдь, благодарный за всѣ почести, которыя ему были оказаны послѣ смерти, будетъ приносить счастье всѣмъ присутствующимъ на празднествахъ; шкура его большею частью жертвуется богамъ, а клыки и когти вырываютъ, какъ предметы, имѣющіе религіозное значеніе. Этимъ собственно и оканчиваются празднества въ честь медвѣдя; на день между почами шкуру медвѣдя покрываютъ платками и стараются изъ того помѣщенія, гдѣ она лежитъ, выходить задомъ, къ ней не поворачиваясь; во время представленій надѣвается лучшая одежда. Надо оговориться, что не всегда вполнѣ убіеніе медвѣдя сопровождается такими празднествами: если при охотѣ онъ задереть кого-нибудь изъ охотниковъ, то брать или вообще ближній родственникъ убитаго долженъ обязательно найти этого медвѣдя и или убить его, или погибнуть; если удастся сдѣлать первое, то тѣло медвѣдя вмѣстѣ со шкурой и костями сжигаютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ зарѣзалъ человѣка, и послѣ этого такой охотникъ можетъ, въ случаѣ еще удачной охоты, уже не соблюдать никакихъ обрядовъ и даже можетъ разрубать кости медвѣдя.

Существуетъ помимо сказаннаго не мало указаній на то, что медвѣдя считаютъ за священнаго звѣря; напримѣръ, надъ его лапой и мордой клянутся; причемъ дающій клятву грызетъ лапу или три раза замахивается топоромъ надъ висящимъ на деревѣ черепомъ, говоря, пусть его медвѣдь также загрызетъ и загубитъ, какъ это онъ дѣлаетъ теперь съ головой и ногой; если женщина случайно набредетъ на медвѣжьи слѣды, то она должна ихъ обойти или же положить что-нибудь на слѣды вмѣсто жертвы; если-же нѣтъ ничего, то вырвать хотя нѣсколько волосъ; наконецъ, самое преданіе относительно

его происхожденія, наиболѣе распространенное, даетъ полное основаніе смотрѣть на медвѣдя, какъ на звѣря священнаго. Преданіе это таково: у *нуми торума* на небѣ въ золотомъ его домѣ въ переднемъ углу на сукнѣ жилъ медвѣдь. Разъ *нуми* пошелъ на охоту и, уходя, заперъ медвѣдя, предупредивъ его, чтобы онъ дверей не ломалъ, а сидѣлъ-бы дома. Сидѣлъ медвѣдь долго, надоѣло ему; подошелъ къ дверямъ, попробовалъ ихъ—заперты; сталъ напирать на нихъ, замокъ и сломался; испугался вначалѣ, но потомъ видитъ — бога нѣтъ, вышелъ изъ дому и пошелъ гулять; гулялъ долго—все одно и тоже — лѣсу нѣтъ, одна только трава, скучно стало; вдругъ видитъ божьихъ лошадей, побѣжалъ къ нимъ, хотѣлъ поиграть съ ними, а онѣ испугались и бросились въ сторону; онъ за ними—вдругъ остудился, смотритъ — има, внизу которой видѣются многочисленные лѣса и воды; захотѣлось туда, *а пользи—дороги нѣтъ. Билси* медвѣдь долго, но ничего не добился, разсердился, пошелъ домой и по дорогѣ сталъ все ломать; приходитъ и прежде всего разорвалъ свою постель. Вдругъ слышитъ медвѣдь, *возвращается* богъ, подходитъ къ дому и такъ сильно отрясаетъ лижи, что самъ говоритъ: «если-бы не сынъ мнѣ ихъ дѣлалъ, давно-бы онѣ у меня сломались». Входитъ въ домъ, видитъ всюдѣ безпорядокъ, спрашиваетъ медвѣдя, уже смирно сидящаго въ углу: «это что?» Тотъ волей не волей долженъ былъ сознаться, какъ все было, только извинялъ себя тѣмъ, что ему надоѣло очень сидѣть и онъ пошелъ. Разсердился на него богъ, обругалъ его, затѣмъ надѣлъ фартукъ и сталъ изъ старыхъ ножей, топоровъ и лопатъ приготовлять цѣпь длиною въ триста саженей; сдѣлалъ затѣмъ изъ бересты люльку, посадилъ туда медвѣдя, который во все время подготовительныхъ работъ дрожалъ отъ страху, и подвелъ его къ отверстію, виденному медвѣдемъ съ неба; спустилъ туда люльку и подвѣсилъ ее такъ, *чтобы она земли не касалась* и чтобы вѣтеръ свободно качалъ ее изъ стороны въ сторону, для чего поднялъ сильную бурю. Отъ этого медвѣдя закачало до того, что, когда богъ

на третій день подошелъ къ отверстію и спросилъ медѣдя— какого ему живется, онъ немедленно сказалъ: «какъ тебѣ не стыдно надо мною смѣяться, я и такъ чуть живъ».

Послѣ этого богъ смилостивился и говоритъ: «Это я тебѣ въ наказанье. Теперь-же я исполню твое желаніе, спущу тебя на землю, только смотри—не бей ничего изъ человѣческихъ амбаровъ, а то отощаешь и погибнешь: если исполнишь приказаніе, то будешь жирнымъ; поручитъ тебѣ рыбу и другіе запасы въ амбарахъ нельзя потому, что ты будешь ихъ разорять и даже людей убивать».

Спустился медвѣдь, обѣщая исполнить приказаніе, но лишь только увидалъ человѣческій амбаръ, какъ взломалъ его и сталъ ѣсть все, что тамъ только было. Результаты такого непослушанія обнаружились скоро и онъ отощалъ до того, что еле сталъ ходить. Увидала его разъ россомаха, спросила, отчего онъ такой худой; тотъ повѣдалъ ей свое горе; посовѣтовала она ему быть послушнымъ, и, дѣйствительно, лишь только онъ исправился и пересталъ трогать человѣческіе запасы, какъ опять сдѣлался жирнымъ. На зиму онъ себѣ сдѣлалъ, по указанію бога, домъ въ землѣ — берлогу и питался тѣмъ, что сосалъ особый комочекъ, полученный имъ отъ бога при спусканіи его на землю. Жилъ онъ такъ долго, питаясь ягодами и кореньями, но и ему насталъ конецъ: разъ увидалъ его богатырь *улыкъ одыръ пыжъ*, убилъ его, но этого еще мало, а сталъ даже насмѣхаться, употребляя переднія лапы какъ метелки для полу и для очага, заднія—какъ лопатки, а всей шкурой сталъ затыкать чувалъ; оскорбилась на это тѣнь медвѣдя, пошла въ лѣсъ и привела съ собой новыхъ десять медвѣдей. Узнавъ про готовящуюся ему опасность, *озыкъ одыръ пыжъ* устроилъ амбаръ на высокихъ ножкахъ, что бы было удобнѣе защищаться, и приготовилъ камней и дубинъ; пришедшихъ медвѣдей, не смотря на ихъ силу, онъ всѣхъ перебилъ, такая-же участь постигла и вновь приходящихъ, сначалъ двадцать, потомъ тридцать, наконецъ сорока. Тогда пришли пятьдесятъ одинъ медвѣдь, изъ кото-

рыхъ послѣдній былъ пестрый (это именно тотъ, который былъ спущенъ съ неба: *куми-торумъ* позволилъ его тѣни принять прежній видъ и быть вѣчнымъ обитателемъ земли, вотъ почему еще до сихъ поръ его иногда видятъ на Уралѣ). *Одинъ одеръ ныхъ* пятьдесятъ убилъ, но пестраго одолѣть не могъ; *испуганный онъ спрятался въ амбаръ*, но амбаръ скоро былъ разбитъ; онъ перебѣжалъ въ домъ, крыша котораго была покрыта цѣлыми лиственницами, но и это не помогло; крыша скоро была вся разметана. Запросилъ тогда *одинъ одеръ ныхъ* прощенія, говоря: «я не зналъ, что богомъ положено почитать медвѣдей, да, по правдѣ сказать, и теперь не совсѣмъ вѣрю; если хочешь доказать, съѣшь этотъ топоръ». Думалъ онъ, что медвѣдь обломаетъ себѣ всѣ зубы, но этого не случилось: топоръ былъ весь изгрызенъ и *одинъ одеръ ныхъ*, не смотря на свое обѣщаніе жить мирно, растерзанъ.

Про происхожденіе приведенныхъ медвѣдей разсказываютъ слѣдующее: въ одномъ селеніи на землѣ жила одна женщина съ сыномъ, *который былъ такъ силенъ, что еще* въ малолѣтствѣ съ кѣмъ ни начнетъ играть, непремѣнно всякаго обидитъ, а иногда и убьетъ; просила, умоляла мать, приказывала, наконецъ, ему быть осторожнѣе, но ничто не помогало и она, выведенная изъ терпѣнія, прокляла его. Богъ услышалъ это проклятіе и наказалъ непослушнаго сына: разъ пошелъ онъ гулять и съ удивленіемъ сталъ замѣчать, что всѣ собаки, какія только его ни увидятъ, съ страшнымъ лаемъ и воемъ бросаются отъ него въ сторону; *оглянулся* на себя и увидалъ себя всего покрытымъ волосами: онъ превратился въ медвѣдя. Вернулся домой, подошелъ къ матери, та испугалась, не узнала его, бросилась бѣжать; онъ ее остановилъ и назвался; стала она плакать, просить бога о прощеніи; *затѣмъ принялась его упрекать*, *зачѣмъ* онъ довелъ ее до того, что она его прокляла. Разсердился тутъ сынъ и зарычалъ: «молчи, если-бъ ты не была моей матерью, я растерзалъ-бы тебя», поцѣловалъ ее и ушелъ на всегда къ

лѣсъ, гдѣ нашелъ себѣ подругу изъ богатырскихъ дочерей, превращенную въ медвѣдицу за избіеніе по злости всѣхъ своихъ братьевъ, и зажилъ съ нею, прижилъ дѣтей, такъ что теперь медвѣди являются потомками этой четы. Какъ и спущеннаго съ неба, такъ и превращенныхъ, *пули торума* сдѣлалъ представителями истины и справедливости на землѣ: «бейте только тѣхъ людей и тотъ скотъ, которые въ чемъ-нибудь провинились и на которые вамъ будетъ указано; другихъ-же не трогайте, — иначе сами погибнете». Не мудрено поэтому, что всякій, сознающій за собой грѣхъ (а у кого его нѣтъ?), невольно дрожитъ при встрѣчѣ съ медвѣдемъ; но тѣмъ не менѣе всякій стремится на охоту за нимъ, хотя и со страхомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ тайной надеждой, что богъ пошлетъ ему такого медвѣдя, который согрѣшилъ чѣмъ-нибудь и котораго богъ рѣшилъ наказать и исполнителемъ этого наказанія изберетъ его—угоднаго себѣ человѣка. Кромѣ того, богъ разрѣшилъ медвѣдямъ мстить тѣмъ людямъ, которые при жизни или по ихъ смерти будутъ надъ ними насмѣхаться или оказывать малое почтеніе: хотя и убитый, а онъ все-таки все видитъ и слышитъ; вотъ почему каждый инородецъ, убившій медвѣдя, бьется изо всѣхъ силъ, чтобы только доказать, какъ онъ любитъ и уважаетъ медвѣдя, разсчитывая, что всѣ знаки проявленія этихъ чувствъ вознаградятся ему затѣмъ сторицей; задабриваетъ онъ его, извиняется, что убилъ, говоря: «ты прости меня и не суди строго, вѣдь убилъ тебя не я, а русскій: отъ него я получилъ ружье, порохъ, свинецъ, я же тебя всегда любилъ и уважалъ и въ доказательство этого устрою празднество въ твою честь». И устраивается это празднество, стекаются на него со всѣхъ сторонъ сосѣди и славятъ убитаго звѣря, поминая его подвиги за питьемъ и ѣдой и прося Ута имъ возможность еще разъ повеселиться и почтить его.

Представленія, разыгрываемыя во время празднества въ честь медвѣдя, довольно разнообразны и многочисленны: мнѣ пришлось ихъ видѣть, конечно, далеко не всѣ, тѣмъ болѣе,

что даже въ послѣднее время составляются новыя, что зависитъ отъ умѣнія представляющихъ. Полагается вообще, чтобы каждую ночь разыгрывались новыя сцены и такъ какъ иногда *празднества продолжаются* двѣнадцать ночей, то, даже считая по десяти сценъ каждую ночь, мы получимъ большое число—въ 120. Изъ этихъ сценъ въ послѣднюю ночь обязательно берутъ такія, гдѣ выступаютъ дѣйствующими лицами боги, которые призываются *какъ-бы свидѣтелями хорошаго* обращенія съ медвѣдемъ. Нѣкоторыя сцены въ высшей степени неприличны, да и вообще надо сказать, что на этихъ представленіяхъ допускается рѣшительно все: всевозможные жесты, движенія, остроты какъ безличныя, такъ и имѣющія отношеніе къ какому-нибудь извѣстному лицу или къ кому-нибудь изъ присутствующихъ, которые нерѣдко берутся за объектъ той или другой сцены: обижаться при этомъ на артистовъ нельзя, такъ какъ тутъ они не считаются простыми обыкновенными людьми, а особенными, способными принимать видъ того или другого представляемаго лица.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію отдѣльныхъ сценъ, необходимо оговориться, что во время представленій существуетъ обычай разговаривать публикѣ съ играющими и наоборотъ. Видѣнныя мною представленія были слѣдующаго содержанія:

Первая сцена. Входятъ *на лыжахъ*, *какъ-бы* издалека трое мущинъ, видятъ много собравшагося народу, удивляются и спрашиваютъ, что ихъ сюда привело. Одинъ изъ присутствующихъ на это имъ отвѣчаетъ: развѣ они не знаютъ, что такой-то убилъ медвѣдя и шкура его лежитъ тутъ-*же* въ помѣщеніи и что они собрались воздать ему послѣдній долгъ. Пришедшіе вначалѣ не понимаютъ, смѣшиваютъ слова, острятъ, но затѣмъ когда, видятъ шкуру, моментально бросаются къ выходу, давя другъ друга; ихъ уговариваютъ, останавливаютъ, они понемногу начинаютъ подходить, но всетаки дрожатъ, нѣсколько разъ опять убѣгаютъ, двое даже не возвращаются, *а третій остается* и со страхомъ и съ трепетомъ подходитъ къ медвѣдю и осторожно цѣлуетъ его въ морду. Для образца

остроть приведу одну, имѣющую отношеніе къ описанной сценѣ: когда приведшіе спрашиваютъ, что за причина собранія, то имъ отвѣчаютъ: «развѣ они не видятъ звѣря — *уи*» (такъ иногда зовутъ медвѣдя); тѣ переспрашиваютъ и со смѣхомъ повторяютъ — *уи — uus*. Другія остроты въ такомъ-же родѣ.

Вторая сцена Два охотника, прежде никогда не видавшіе медвѣдя, случайно въ лѣсу наткнулись на его берлогу; вначалѣ испугались, но затѣмъ стали думать, какъ-бы имъ добыть этого звѣря; думали, думали, ни до чего не додумались; рѣшили идти къ одной умной старухѣ, которая отъ старости еле ходила, но къ которой часто обращались люди за разными совѣтами; она выслушала ихъ просьбу; объяснила имъ, что видѣнный ими звѣрь—медвѣдь, и научила, какъ его добыть. Поблагодаривши за совѣты, они вернулись къ берлогѣ и стали дѣлать все такъ, какъ ихъ учила старуха: обложили берлогу деревьями, оставили лишь небольшое отверстіе, въ которое выстрѣлили нѣсколько разъ изъ лука; затѣмъ накинули на нею уже убитаго звѣря петлю, вытащили, положили на грудь поперекъ нѣсъ палочекъ (убитый былъ самецъ), развѣзали ихъ и стали снимать шкуру, оставивъ ее только на головѣ и переднихъ лапахъ; однимъ словомъ, они сдѣлали все то, что дѣлается и теперь и что было описано раньше: такъ строго хранятъ инородцы завѣты старухи. Послѣ, снявши шкуру, съ пѣснями понесли ее домой. Роль медвѣдя исполнила дубинка, покрытая малицей.

Третья сцена. Три брата, изъ которыхъ младшій совсѣмъ дуракъ, пошли на охоту; старшій для счастья взялъ съ собой изображеніе *моими*. Во время пути младшаго не разъ приходилось бить за его глупые поступки: то котелъ выльетъ, то собаку убьетъ и т. д. Приходятъ на мѣсто, поставили шалашъ, сварили пищи и пошли лѣсовать; старшій нашелъ берлогу, но, вернувшись вечеромъ къ шалашу, объ этомъ братьямъ ничего не сказалъ, боясь, какъ-бы медвѣдь не узналъ про готовящуюся ему опасность, и только утромъ сообщилъ братьямъ о своей находкѣ, свѣдѣніе о которой не было встрѣ-

чно съ большою радостью; мало того, братья даже отказались идти на *охоту; это сильно разсердило старшаго*, онъ ихъ поколотилъ и только тогда всѣ пошли; приходитъ къ берлогѣ, старшій бросаетъ туда изображеніе *моляа*; раздается трескъ; братья думаютъ, что это *моляа ломаетъ медвѣдя, но* къ сожалѣнію скоро въ этомъ разубѣдились, такъ какъ изъ берлоги выскочилъ звѣрь, бросился на средняго брата и загрызъ его; остальные убѣжали, причемъ младшій залѣзъ на дерево. Послѣ того какъ медвѣдь скрылся, старшій вышелъ изъ-за-деревьевъ и сталъ искать младшаго; искалъ долго, наконецъ увидалъ его сидящимъ на деревѣ; сталъ звать—не идетъ; схватилъ топоръ и подрубилъ дерево; младшій упалъ и при паденіи убился до смерти; видитъ старшій, что его дѣла плохи—два брата погибли; положилъ ихъ рядомъ, сталъ шаманать *per anum*, они и ожили; всѣ вскочили и стали плясать.

Четвертая сцена. Три охотника съ верховьевъ Оби попали на Сѣверную Сосьву; охота ихъ была удачна: у нихъ было много шкурокъ и они всю дорогу пили; наконецъ, водка вышла и они по дорогѣ зашли въ то селеніе, гдѣ былъ убитый медвѣдь; видятъ стеченіе народа, слышатъ пѣніе и музыку, рѣшили войти въ домъ, надѣясь, что ихъ—пришельцевъ не прогонятъ. Войдя, они всѣмъ *поклонились*; объявили, кто они и стали просить позволенія примкнуть къ ихъ празднеству. Присутствующіе согласились, пришедшіе послали за водкой и началось пированіе съ плясками.

Пятая сцена. Входитъ на лыжахъ одинъ инородецъ съ гордой осанкой и съ чувствомъ собственнаго достоинства: онъ никого не боится и для него страшнаго ничего не существуетъ. Видитъ медвѣдя; спрашиваетъ—это что такое; и на отвѣтъ, что это—звѣрь священный, котораго необходимо почитать, подходитъ къ нему и бьетъ его по щекѣ. Публика въ ужасѣ; предсказываетъ ему всевозможныя несчастія, но онъ на это не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія и по прежнему продолжаетъ восхвалять собственную храбрость. Вдругъ на полусловѣ онъ останавливается, моментально пово-

рачивается назадъ, смотритъ себѣ на ноги и ничего не видитъ. Его спрашиваютъ, что съ нимъ и онъ отвѣчаетъ, что ничего; не смотря ни на что, онъ къ чему-то сталъ прислушиваться и перѣдко оглядываться назадъ; наконецъ, оборачивается къ публикѣ и проситъ спасти его отъ враговъ, которые у него бѣгаютъ между ногами.

Публика вглядывается и видитъ, что это бѣгаетъ небольшая мышь, смѣется; но приведенному отъ этого не легче и онъ проситъ защиты; наконецъ падаетъ на колѣни и молитъ дать ему возможность пожить еще немного и убить эту мышь, при чемъ сознается, что онъ всего боится и далеко не такъ храбръ, какъ это только что говорилъ. Публика милостива, все прощается и начинается по прежнему всеобщая пляска.

Шестая сцена. Входитъ отецъ съ застѣнчивымъ сыномъ, который ничего еще не видалъ и всего пугается: видя массу народу, онъ бѣжитъ къ дверямъ, но отецъ его удерживаетъ; видитъ медвѣдя — дрожитъ; отецъ уговариваетъ его: это отчасти помогаетъ, онъ начинаетъ подплясывать и подъ конецъ входитъ уже въ экстазъ; при видѣ этого начинаетъ плясать и отецъ.

Седьмая сцена. Отецъ, мать и сынъ плывутъ на лодкѣ по рѣкѣ; увидалъ сынъ на берегу черемуху, просится выпустить его съ лодки за нуждой; подплыли къ берегу, слѣзъ сынъ и на приказъ матери—скорѣе возвращаться и черемухи не ѣсть, отвѣчалъ—хорошо; ждали его долго—все не возвращается; наконецъ, за нимъ попла мать и привела съ собой, предварительно не мало поругавши. Поплыли дальше, но отъѣхали немного, сталъ сынъ жаловаться на боль въ животѣ и вскорѣ умеръ; старики сейчасъ-же начали его продувать и спереди, и сзади; ничто не помогаетъ; отецъ сдѣлалъ гробъ и пошелъ съ нимъ отыскивать гдѣ-нибудь укромное мѣсто; идетъ и поетъ про то, какъ разъ одинъ старикъ заблудился въ лѣсу, какъ онъ незамѣтно провалился въ медвѣжью берлогу и какъ ему испуганному этимъ медвѣдь сталъ давать въ руки какой-то комокъ; слышалъ онъ отъ стариковъ, что

богъ медѣдю на зиму далъ комокъ, который тотъ и сосетъ всю зимнюю пору и такимъ образомъ насыщается и не умираетъ съ голоду. Сталъ старикъ лизать данный ему предметъ; полизалъ и заснулъ; чрезъ нѣсколько времени проснулся, пососалъ опять комокъ, повернулся на другой бокъ и спалъ до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ, что подъ него начинаетъ течь вода; проснулся, оглядѣлся, видитъ весна настала, берлога покрыта водой, а медѣдя и слѣдъ простылъ. Вышелъ изъ берлоги и думаетъ, куда-же ему идти: заблудился осенью, а теперь весна: вдругъ видитъ вдали медѣдя, который его манитъ къ себѣ; пошелъ за нимъ и чрезъ нѣсколько времени вышелъ на дорогу, по которой благополучно добрался до дому. Пока нѣлъ нѣсню старикъ, и усталости не замѣчалъ, неся гробъ; но потомъ сѣлъ отдохнуть, вынулъ изъ гроба сына, отрубилъ ему ноги и понесъ; чрезъ нѣсколько времени опять стало тяжело — отрубилъ туловище по поясницу; въ третій разъ — руки по локтямъ; наконецъ, въ четвертый разъ голову, а затѣмъ бросилъ и все остальное, остался только гробъ. Приходитъ на мѣсто, а жена, обогнавъ его, уже тамъ; захотѣлось ей еще разъ взглянуть на сына, открываетъ гробъ, а тамъ нѣтъ ничего. Мужъ дѣлаетъ удивленное лицо и говоритъ, что навѣрное *муми торумъ* взялъ его къ себѣ на небо; жена вѣритъ и на радостяхъ начинаетъ плясать вмѣстѣ съ мужемъ.

Восьмая сцена. Инородецъ на собачьей нартѣ ѣдетъ на рѣку осматривать удобное мѣсто для запору; скоро находитъ его и дѣлаетъ все необходимое; возвращается назадъ, при чемъ собаки такъ быстро мчатся, что онъ еле сидитъ; на другой день поѣхалъ смотрѣть, не попалоли чего-нибудь; оказывается, рыбы такъ много, что не помѣщается вся на нарту и часть приходится оставить; ѣдетъ домой и поетъ про то, какъ хорошо ловить рыбу, если она попадается въ большомъ количествѣ, а также и про то, что онъ думаетъ сдѣлать съ пойманной; рѣшилъ наварить, приготовить рыбьяго жиру, а остатки предоставить въ распоряженіе собакъ. Нарта была представлена доской, а собаки—палками.

Девятая сцена. Идутъ мужъ съ женой; мужъ началъ разхваливать свою жену, описывать ея красоту и доброту; жена на это стала дѣлать пріятное выраженіе лица и понемногу подлаживать; затѣмъ мужъ сталъ жену бранить за то, что она ему невѣрна, что любитъ много пить, и т. д.: нагнула тутъ жена свою голову и не поднимала до тѣхъ поръ, пока онъ опять не началъ ее хвалить; такъ повторялось до пяти разъ и подъ конецъ стали имѣть плясать.

Десятая сцена. Женщина выдѣлываетъ шкуру соболя, при этомъ поетъ про то, какъ соболь живетъ въ лѣсу, какъ онъ выводитъ дѣтей, какъ ихъ обучаетъ ловить добычу и избѣгать человѣческихъ западней.

Одиннадцатая сцена. Молодому инородцу захотѣлось жениться; не очень далеко отъ него жилъ одинъ старикъ съ дочерью, на которую онъ и рѣшилъ посвататься, но сколько онъ ни старался, лица ея видѣть ему все таки не удавалось, такъ какъ она постоянно закрывалась платкомъ. Выдилъ онъ зимою на оленяхъ, а лѣтомъ на лодкѣ и все результатъ одинъ и тотъ же: лишь только она его увидитъ, сейчасъ же закрывается; возвращается онъ назадъ и цѣлый импровизаціи поетъ про свое горе. Наконецъ, обратился къ *нуми торумъ* съ просьбой помочь ему, поднять вѣтеръ, который сорвалъ бы платокъ съ скромной дѣвушки. Поѣхалъ опять, подъѣзжаетъ, дѣйствительно, поднялся вѣтеръ, платокъ былъ сорванъ и желаніе жениха было исполнено: онъ увидалъ лицо невѣсты, увидалъ и ахнулъ: такого безобразія въ жизнь не приходилось ему встрѣчать; моментально повернулъ лодку назадъ, усиленно загребъ и, отъѣхавъ на приличное разстояніе, боязливо сталъ оглядываться, не идетъ-ли она за нимъ и такъ всю дорогу вплоть до дома, гдѣ, отплевываясь, сталъ высѣхаться надъ самимъ собою и надъ невѣстой; подъ конецъ поблагодарилъ бога за спасеніе отъ такой жены.

Двѣнадцатая сцена. Рыболовъ поставилъ на одной рѣчкѣ самоловы и уѣхалъ; подъѣзжаетъ чрезъ нѣсколько времени вновь, осмотрѣлъ, крадучись и со всѣми предосторожностями,

крючки, снять попавшуюся на них рыбу и уехать. На другой день та-же исторія: на третій опять; удивляется хозяинъ, что рыбы столько нѣтъ; подумалъ, не срываетъ-ли она и рѣшилъ на другой день пріѣхать поранѣе; пріѣзжаетъ и видитъ вора; догадался онъ тутъ о причинѣ малаго лова, сталъ потихоньку подкрадываться, но воръ все-таки его замѣтилъ, бросился бѣжать, за нимъ спустилъ крючки въ воду; одинъ изъ нихъ и попалъ ему въ задъ; чѣмъ больше онъ бьется, тѣмъ глубже крючокъ входитъ въ тѣло; подъѣхалъ хозяинъ, сталъ его бить, а тотъ уже не съ мѣста; сжалился тогда онъ надъ нимъ, вытащилъ крючокъ, предварительно обязавъ его заплатить нѣсколько худовъ рыбы и нѣсколько оленьихъ шкуръ и такимъ образомъ спасъ его отъ позора, а, быть можетъ, и отъ смерти.

Уничтожили сами. Старшина и писарь здѣсь собираютъ ясакъ; собирали они уже долго и не мало стало у нихъ добра на чердакѣ; даже олени съ грузомъ ушли, но имъ все казалось мало; надъ юкагирами даже стали собирать ватагу— пять изъ нихъ сами *); пріѣзжаетъ къ одному охотнику, который въ это время занимался усиленнымъ приготовленіемъ стрѣлъ и стали отъ него требовать всего, что только у него есть: далъ онъ имъ соболя, оленя, лисицу шкуру—все мало: запросили ватагу; разсердился онъ тутъ на нихъ, схватилъ сѣкиру ватажа и сталъ бить и старшину, и писаря; писаку

*) Ватагою называется экспедиція изъ нѣсколькихъ человѣкъ, отправляемая для собиранія ясака. Обыкновенно ватага состоитъ изъ 5 человѣкъ: изъ которыхъ одинъ толмачъ, знающій языкъ, одинъ писарь, ведущій списокъ собираемаго ясака, одинъ старшина, наблюдающій за правильностью сбора ясака, и два казака, которые должны сопровождать вездѣ этихъ трехъ лицъ, чтобы они не могли скрыться отъ ихъ глазъ, и въ случаѣ сопротивленія со стороны плательщиковъ ясака, употребить силу оружія. Ватага эта ѣздитъ по округу, назначенному ей начальствомъ, и собираетъ ясакъ. Ясакъ собирается съ каждаго мужчины, начиная съ 18 лѣтъ, по 1 соболю въ годъ. Ясакъ собирается мѣхами, а также и деньгами, по 1 рублю съ соболя. Ясакъ собирается въ пользу государства. Ясачные люди раздѣляются на 3 разряда: 1) на служилыхъ, которые несутъ службу, 2) на ясачныхъ, которые платятъ ясакъ, и 3) на иновѣрцевъ, которые не платятъ ясака, а только подносятъ подарки. Ясачные люди раздѣляются также на родовые и на тѣхъ, которые живутъ въ городахъ. Родовые ясачные люди живутъ въ своихъ родовыхъ юртахъ, а городовые ясачные люди живутъ въ городахъ. Ясакъ собирается съ 18 лѣтъ до 50 лѣтъ. Ясакъ собирается съ 1 января по 1 мая. Ясакъ собирается съ 1 мая по 1 сентября. Ясакъ собирается съ 1 сентября по 1 января. Ясакъ собирается съ 1 января по 1 мая. Ясакъ собирается съ 1 мая по 1 сентября. Ясакъ собирается съ 1 сентября по 1 января.

ть успѣли сѣсть на оленей и уѣхать; съ этихъ поръ къ этому охотнику ни ногой и больше къ нему уже не пристаютъ.

Четырнадцатая сцена. Одинъ самоѣдъ пріѣзжаетъ въ гости къ женатому остяку; остякъ по самоѣдски не понимаетъ, а жена его кое-что знаетъ; изъ-за этого выходятъ разныя недоразумѣнія, вродѣ того, что самоѣдъ проситъ пить, а ему мужъ даетъ ѣсть; хочетъ ѣшить ему, а хозяинъ думаетъ, что оленей, и предлагаетъ продать. Наконецъ, самоѣдъ успѣлъ остячкѣ передать, чтобы она бросила своего мужа и поѣхала-бы съ нимъ—онъ богатъ, дастъ ей больше мѣдныхъ украшеній, сошьетъ соболью шубку, подаритъ стадо оленей (у женъ собственность бываетъ первое отдѣльно отъ мужей); вначалѣ та не соглашалась, но послѣ соблазнилась обѣщаніями самоѣда, стала варить напитокъ изъ мухоморовъ, замѣнившій прежде изрѣдка употребляется и теперь пану воду и произведшій не только опьяненіе, но заставляющій человѣка совершенно забывать окружающую его обстановку—идти въ рѣку, въ озеро, бросаться въ огонь, кидаться съ дерева на землю и вообще совершать цѣлый рядъ безразсудныхъ поступковъ, за которые ему иногда приходится потомъ сильно платиться. Сварившій этого напитка, она стала угощать гостя и мужа: первый выпилъ мало, второй много, вслѣдствіе чего онъ скоро опьянѣлъ; самоѣдъ схватилъ жену, посадилъ ее на нарту и погналъ оленей; остякъ хотя и понималъ еще кое-что, но сдѣлать ничего не могъ: ноги отказывались идти, языкъ говорить и руки стрѣлять; побился, побился, потомъ опрокинулся и захрапѣлъ. Такъ безъ жены и остался.

Пятнадцатая сцена. Встрѣчаются два остяка, одинъ на лыжахъ, другой на оленяхъ; первый никогда не видалъ оленей, а второй лыжъ; осматриваютъ внимательно то и другое: пріѣхавшій на лыжахъ безъ оленьяго изверженія, думалъ, что это черемуха; и владѣлецъ оленей осторожно подходитъ къ лыжамъ, боясь, какъ-бы онѣ его не укусили. Осмотрѣвши, стали каждый хвалить свое: одинъ говоритъ, что олени лучше,

другой, что лыжи. Рѣшили попробовать, что быстрѣе; пустились въ перегонки, никто не можетъ перегнать другого; тогда помѣрились, но ни кто не можетъ сладить съ прибортованнымъ имуществомъ: одного олени не слушаются, а другой на лыжахъ не держится; бились, бились, рѣшили опять помѣряться, что и сдѣлали; послѣ чего разъѣхались.

Шестнадцатая сцена. Мужъ съ женой; первый дѣлаетъ стрѣлы, вторая мнетъ шкуры и приготовляетъ нитки изъ оленьихъ жилъ. И тотъ, и другая поетъ; первый про то, какъ онъ будетъ добывать соболя, а вторая, какъ она изъ полученныхъ шкуръ будетъ шить одежду для мужа и для себя. Кончивъ работу, начинаютъ плясать, причемъ мужъ машетъ стрѣлами, а жена—нитками и шкурами.

Семнадцатая сцена. Три сестры хвощи пришли съ Малой Сосьвы на Большую—Обериуи искать себѣ жениховъ, такъ имъ сказали, что здѣсь мало женщинъ, а мущинъ много. Старшая изъ сестеръ учитъ другихъ, чтобы онѣ не показывали виду, что имъ хочется имѣть мужей, а то говорятъ, мужчины народъ хитрый; догадаются, ни за что ихъ въ жены не возьмутъ; но только онѣ ни старались, въ нашимъ хитростямъ не прибѣгали, заключавшимся, главнымъ образомъ, въ показаніи разныхъ сокровенныхъ мѣстъ и въ принятіи соблазнительныхъ позъ, изъ этого толку не вышло никакого; мужей онѣ себѣ не нашли, плюнули и пошли домой.

Восемнадцатая сцена. Пріѣзжаютъ на низовья Оби съ ея верховьевъ два богатыхъ татарина; ищутъ себѣ невѣсть, ни какъ не могутъ найти; вдругъ видятъ дряхлую старуху; не обращаютъ ни какого вниманія на ея года, бросаются на нее, но она всетаки успѣваетъ вывернуться и убѣжать отъ нихъ; преслѣдуя ее, они сталкиваются другъ съ другомъ и сваливаются въ кучу.

Девятнадцатая сцена. Входитъ одинъ человѣкъ, видитъ свою тѣнь, удивляется ей и не знаетъ, чѣмъ объяснить то, что она продѣлываетъ все, что только онъ дѣлаетъ; произноситъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ движеній и тѣни.

конечно, их всѣ повторитъ; наконецъ, пугается этого, проситъ тѣнь отстать отъ него; все не помогаетъ, кидается на колѣни, тѣнь тоже; наконецъ, бросается бѣжать и скрывается изъ глазъ зрителей.

Двадцатая сцена. Одинъ человѣкъ спитъ въ лѣсу, его кусаютъ комары; онъ во снѣ ихъ отгоняетъ, дѣлаетъ разныя движенія, гримасы, наконецъ, просыпается, протираетъ глаза и начинаетъ разводить костеръ; развелъ, опять легъ, заснулъ, но комары опять надоѣдаютъ и онъ скоро опять просыпается, схватывается головню и начинаетъ ею махать въ разныя стороны.

Двадцать первая сцена. Одинъ звѣроловъ охотится въ чужомъ лѣсу и довольно удачно, такъ какъ уже убилъ трехъ соболей; вдругъ встрѣчаетъ его собственникъ лѣса, схватываетъ его и хочетъ убить на мѣстѣ; тотъ испуганный и дрожащій отъ страха начинаетъ его уговаривать, отдаетъ ему убитыхъ соболей, предлагаетъ дарить ему нѣсколько штукъ оленей, привести звѣролову хлѣбопашца, но все напрасно; хозяинъ подозрѣваетъ его, что онъ и раньше охотился и что онъ перебилъ у него не мало дичи; наконецъ, тотъ говоритъ, что у него есть дочь, которую онъ отдастъ за него безъ всякаго калыму, лишь-бы онъ его отпустилъ. Предложеніе это съ радостью принимается и они оба начинаютъ плясать.

Двадцать вторая сцена. Одинъ отецъ пошелъ отыскивать жену для сына; послѣ долгихъ разспросовъ узналъ, что въ одномъ селеніи живетъ мать съ дочерью; отправляется туда, дочери нѣтъ дома, но онъ условился послѣ долгихъ переговоровъ съ матерью о калымѣ, причемъ обязался доставить двадцать пять оленей, десять пудовъ вяленой рыбы, пять собольихъ шкуровъ и три лисицы. Отправляется домой за сыномъ, береть его съ собой и идетъ за невѣстой; но сынъ его былъ совершенный дикарь, ничего не видѣлъ и былъ высшей степени застѣнчивъ. По дорогѣ постоянно задаетъ вопросы: «это что, это зачѣмъ?» и тамъ далѣе. Подходитъ къ невѣстиному дому, видитъ прорубь въ рѣкѣ, изъ которой она

беретъ воду, испугается и бѣжитъ назадъ; отецъ за нимъ, догонитъ, остановитъ, воротится; видитъ мѣсто, гдѣ рубитъ дрова—опять бѣжитъ; видитъ сѣни—входитъ въ нихъ—бѣжитъ; такъ, однимъ словомъ, продолжается нѣсколько времени, наконецъ удастся ввести его въ домъ и познакомить съ невѣстой; сейчасъ же устраивается свадьба, послѣ которой начинаютъ плясать.

Двадцать третья сцена. Мущина приводитъ больнаго съ двумя опухолями, по одной на спинѣ и на груди; ищетъ доктора, не находитъ; рѣшается самъ лѣчить, говоря, что за больными надо ухаживать, облегчать имъ ихъ страданія и утѣшать всевозможными средствами тѣмъ болѣе, что всякій изъ людей можетъ захворать еще сильнѣе. Беретъ топоръ, точитъ его, кладетъ больнаго на спину и ловкимъ ударомъ отрѣзаетъ или, вѣрнѣе сказать, отрубаетъ грудную опухоль, то же самое продѣлываетъ и со спинной. Больной выздоравливаетъ и имѣетъ со своимъ докторомъ начинаетъ плясать.

Двадцать четвертая сцена. Двое тобольскихъ купцовъ плывутъ по Оби, встрѣчаютъ остяка, дѣлающаго въ одномъ мѣстѣ заборъ для рыбы; здороваются съ нимъ, тотъ сухо имъ отвѣчаетъ; спрашиваютъ, есть-ли у него рыба. «Есть, отвѣчаетъ, но не для васъ». «Отчего ты намъ ничего не хочешь продать или промѣнять—у насъ есть немало разныхъ хорошихъ товаровъ и мы уступимъ по своей цѣнѣ». «Знаю и это, но съ вами дѣла имѣть не желаю: у меня есть все, что мнѣ надо: рыба, птица и звѣрь—въ большомъ я не нуждаюсь; а попадешь къ вамъ въ лапы—скоро не выберешься». Сказалъ и только *сильнѣе принялся за работу; постояли они* немного; видятъ, что толку никакого не добьются и поѣхали дальше; а инородецъ погрозилъ имъ вслѣдъ, потрясъ кулакомъ и проворчалъ: «Разбойники и грабители».

Двадцать пятая сцена. Двое носятъ покойника очень большаго роста благодаря тому, что у него маска прикрѣплена къ длинной палкѣ, продѣтой сквозь мышцу: при помощи этой палки совершаются разныя движенія мнимой головой.

Принесше начинаютъ тереть покойника въ разныхъ мѣстахъ, брызгаютъ живой водой — *мертвой водой*, оживляютъ его и на радостяхъ всѣ начинаютъ плясать; затѣмъ даютъ ему нюхать табакъ, котораго онъ раньше не нюхалъ; онъ съ радостью бросается на него, обпохивается, падаетъ и умираетъ; опять оживили, опять обпохался — все это обыкновенно сопровождается разными телодвиженіями и гримасами; вновь оживили и т. д. до трехъ разъ; поповецъ *мертвой воды* не хватило и онъ умеръ окончательно. Его спутники стали хоронить его со всѣми обрядами, о которыхъ писалось раньше; похоронивши, устроили небольшое пиршество въ честь покойнаго, сопровождаемое танцами.

Двадцать шестая сцена. Одинъ человѣкъ изображаетъ березовый пень, другой подходитъ къ нему и начинаетъ дѣлать разныя движенія, которыя имъ аккуратно повторяются; сцена, напоминающая собою представленіе съ тѣнью. Подъ конецъ у пня обнаруживаются руки, ноги, голова; однимъ словомъ, онъ превращается въ человѣка, который и начинаетъ имѣть съ другимъ плясать.

Двадцать седьмая сцена. Охотникъ въ лѣсу наткнулся на *пень*, стоящій совершенно неподвижно, такъ что онъ не знаетъ—*пень*-ли это или нѣтъ; чтобы убѣдиться, дѣйствительно-ли это *пень*, онъ говоритъ: «если это лѣшій, то пусть онъ продѣлываетъ все то, что я сейчасъ самъ буду». Сталъ поднимать руку, ногу, поворачивать голову и т. д., но что только онъ ни дѣлалъ, все немедленно повторялось, и онъ убѣдился, что это—*пень*. Бросился на колѣни, сталъ просить пощады и обѣщалъ принести ему въ жертву двухъ оленей. Въ знакъ пощады и прощенія *пень* сомнѣніе, *пень* повернулъ голову и съ присвистомъ убѣжалъ.

Двадцать восьмая сцена. Пень съ женой входитъ, свисти и топая, и кланяются медвѣдю; затѣмъ берутъ въ обѣ руки по платку и начинаютъ съ крикомъ, гамомъ и шумомъ плясать; утомившись—ложатся: мужъ начинаетъ ласкать жену, при-

стать къ ней; та сперва отворачивается, но потомъ соглашается....

Двадцать девятая сцена. Входятъ три *мужика*, садятся на скамейку, поднимаютъ по очереди правую и лѣвую ногу, затѣмъ вскакиваютъ и дѣлаютъ кругъ, причемъ, проходя мимо медвѣдя, кланяются ему и свистятъ; садятся опять, поднимаютъ правую и лѣвую руку, вскакиваютъ, дѣлаютъ кругъ; опять садятся, дѣлаютъ движеніе головой и повторяютъ все то, что дѣлалось и раньше; затѣмъ всѣ втроемъ начинаютъ быстро кружиться на одномъ мѣстѣ, хлопаютъ въ ладоши и съ присвистомъ убѣгаютъ.

Тридцатая сцена. Два охотника ловятъ сѣтями утокъ и гусей и очень удачно—каждый разъ вытаскиваютъ десятками; объясняютъ это себѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что одинъ изъ нихъ отлично подражаетъ крику разныхъ птицъ. Вдругъ является дочь *хозяина* и предлагаетъ сразу имъ обоимъ себя въ жёны, говоря, что удачной охотой они обязаны ей, такъ какъ она загнала птицу прямо въ ихъ сѣти. Они отказываются; та раздраженная уходитъ а на прощаніи говоритъ, что они ее не забудутъ. Приступили послѣ этого къ охотѣ и, сколько ни старались, поймать ничего не могли; сидѣли еще семь дней, запасы уже истощились, пошли домой, надѣясь тамъ взять изъ спрятаннаго въ амбарѣ: приходятъ, отпирается амбаръ-сторожъ; пошли опять на охоту, но по прежнему безуспѣшно; поняли они тутъ, что бороться съ дочерью *хозяина* имъ не подъ силу, стали ее призывать, но она уже не являлась и они въ страшныхъ мученіяхъ—въ корчахъ погибаютъ отъ голодной смерти.

Тридцать первая сцена. Три брата пошли въ лѣсъ охотиться; приходятъ на одно мѣсто, гдѣ старшій былъ уже раньше, раскладываютъ костеръ, варятъ себѣ пищу и ложатся спать. Утромъ старшій разсказываетъ свой сонъ, будто онъ видѣлъ болото, на которомъ таяется большое озеро, съ мясомъ, поросшимъ громадными листвянничными деревьями, между которыми стоитъ домъ, гдѣ живутъ дочери

женою. Спрашивает он братьев, не хотят-ли они пойти вместе с ним туда посмотреть, что это за потеря *женою*. Согласились, пошли, видят, что дорога тянется на три дня, новой видно, но по ней старший брат; доходит до озера; испугался тут младший — бросился обратно назад; догнали вдвоем, пошли по пути: старший брат назад — никого, и средний убежать. Долго шли, долго шли, дошли до дому, открыли двери: тут бросается на него дочь *женина* (она была еще дома) и стала с ним бороться; но удалось ей несколько его повалить, пришла она его своим мужем и много шила за ним. Подходит к старому мосту, увидали его братья и думали убить своего старшего и завладеть его женой; но один большой догадался и стал их отговаривать, что они испугались бобы и бросились от них бежать, воспользовались его, стали свалить друг на друга, побранились, передрались, подрались, да так, что оба умерли. Старший брат со своей молодой женой на радостях стал плясать, и затем отправился с ней домой.

Гримлин открыл глаза. Двое охотников пошли на охоту за соболями в такое место, где были раньше и сам собой всегда было много, но в этот раз ходили долго, а соболей не видать; удивляются, отчего они перестали, идут вперед; вдруг увидали след, похожий на человечий, но только гораздо больше, испугались, побежали назад, но за ними раздался свист, топот, и вдруг вдруг на дорогу прямо и против них появился *мамонт*, который загородил им путь; делать было нечего, взял один из охотников ружье, зарядил его медной пулей, которую каждый охотник носит на всякий случай и выстрелил, целясь прямо в сердце. Выстрел даром не пропал — *мамонт* упал мертвым. Проходит так три дня, дочь *мамонт* ждет своего отца, но все напрасно — отца нет; решила тогда мать ему навстречу; шли долго, наконец нашли на следы; они привели их в истину: второй можно было смыть тех убитого *мамонт*: она бросилась к нему, стала плакать,

мачеха умѣла убійць и начала просить ихъ окинуть ея отца, вмѣсто дѣвичьяго. Они не соглашаются; тогда дочь начала предлагать имъ всевозможныхъ звѣрей, птицъ и рыбъ; обѣщаетъ имъ всегда и вездѣ успѣхъ и полное содѣйствіе, но и этого мало; тогда она предлагаетъ имъ себя въ жены; на это они соглашаются, вынимаютъ куклу изъ гѣза и убитый оживаетъ. Дочь разсказываетъ, какой *коварный* его совѣтъ; хочетъ ее благодарить и *соглашается* на бракъ; братья увозятъ ее съ собою и начинаютъ съ нею жить какъ съ женой.

Третья нужная *сцена*. Два брата собираются идти въ лѣсъ *на охоту* и не хотятъ съ *собою брать младшаго*—дурачка, но тотъ, замѣтивъ, что они куда-то идутъ, сталъ просить ихъ взять и его съ собою; вначалѣ тѣ отказывались, говоря, что они далеко идутъ и что онъ *ничего не умѣетъ*, но затѣмъ согласились; отъ радости младшій сталъ бѣгать и кричать: «иду, иду». Велѣлъ ему вынуть нарту; сколько онъ ни старался, не могъ всего уложить такъ, какъ слѣдуетъ; научили его, и, собравшись вполнѣ, отправились; они впереди пошли и потянули нарту за собой, а ему велѣли подталкивать съ сзади; идутъ, устали очень скоро и удивляются, отчего такъ тяжело нести поклажу: кажется, ношей немного, а съ трудомъ тянутъ; оглянулись назадъ и видятъ, что дурачекъ тянетъ тоже изо всѣхъ силъ, только въ обратную сторону; разсердились братья и поколотили его; пошли дальше—перестала нарта идти правильно, то вправо, то влѣво; кажется, младшему надобно идти прямо и онъ то въ одну сторону нарту толкнетъ, то въ другую; поколотили и за это. Наконецъ добрались до мѣста, велѣли ему снѣгъ разгребать, стали имъ въ лицо бросать; велѣли дровъ нарубить, имъ ноги попортилъ; велѣли въ котелъ напасть (подразумѣвается, рыбы), а онъ сходилъ въ него за большой нуждой; велѣли вымыть — вымылъ, да только уриной; велѣли мѣшать, сталъ его лѣвой ногою; разсердились братья, поколотили его и легли спать безъ ужина; такъ онъ все одинъ и съѣлъ. На другой день стали лѣсовать; пока братья охотились, мла-

ній стать потихоньку дѣлать *сангульдакъ*; вечеромъ одинъ братъ принесъ пару соболей, другой десятка три бѣлокъ, а младшій только одинъ разсказать про то, что онъ столько видѣлъ звѣря, сколько ему никогда не приходилось видать, да не удалось ничего убить—глаза разбѣжались, не знать—въ кого стрѣлять. Съ ужиномъ повторилась вчерашняя исторія, такъ что братья поѣли только одной сухой рыбы; съ тѣмъ и уснули. Утромъ опять всѣ разошлись—братья охотиться, а дурачекъ сангульдакъ додѣлывать; додѣлалъ и спряталъ въ снѣгъ; вечеромъ пошлись разговоры о томъ, сколько кто убилъ: старшіе добыли не мало звѣря, а младшій только разсказываетъ, сколько онъ видѣлъ. Слѣдующій день, пока братья охотились, дурачокъ все игралъ и такъ вплоть до разсвѣта; очнулся, поскорѣе побѣжалъ на почлегъ, а братья его уже спятъ. Потомъ повторилось тоже самое, только младшій такъ заигрался, что проигралъ всю ночь; проснулись братья, видятъ, дурачка нѣтъ, испугались—не медвѣдь-ли его съѣлъ. Пошли отыскивать; искали, искали, вдругъ одинъ изъ нихъ слышитъ, кто-то вдали играетъ; свистнулъ, чтобы обратить вниманіе другаго, но этотъ свистъ услыхалъ и играющій; испугался, бросился прятать свой сангульдакъ, но присутствующіе изъ публики стали его увѣрять, что это вѣтеръ; успокоился, досталъ инструментъ и сталъ играть опять; снова раздался свистъ, но и тутъ его успокоили, сказавъ, что это его лыжи скрипнули; наконецъ, братья потихоньку подкрались, увидали, что это ихъ дурачекъ играетъ, схватили его и стали требовать сангульдакъ; вначалѣ не отдавалъ, но потомъ долженъ былъ уступить самъ; принялся играть старшій, затѣмъ второй братъ, но сколько они ни старались, ничего у нихъ не выходило; передали младшему и велѣли играть. Началъ онъ и съ радости, что получилъ обратно свой инструментъ, такъ заигралъ, что всѣ запляспли.

Непригляднаа и однообразная жизнь сѣвернаго инородца; проходитъ она изо дня въ день, полная борьбы за существованіе, особенно теперь, когда богатства страны уменьшаются, а потребности населенія увеличиваются; мало видитъ онъ радости и развлеченія, а потребность въ томъ и въ другомъ у него безусловно существуетъ; немудрено поэтому, что рвется онъ и мчится за сотни верстъ на своихъ быстрыхъ оленяхъ на разныя жертвоприношенія, на пляски въ честь медвѣдя и тому подобные случаи, гдѣ его можно видѣть такимъ, какимъ онъ бываетъ на самомъ дѣлѣ, когда отъ никого не боится и когда дѣлаетъ лишь то, что захочетъ. Не только ему, но даже заѣзжему человѣку, пробывшему лишь всего нѣсколько мѣсяцевъ въ его обстановкѣ, служитъ отдохновеніемъ отъ трудовъ и развлеченіемъ присутствіе на жертвоприношеніяхъ и празднествахъ въ честь медвѣдя.

-14,50-